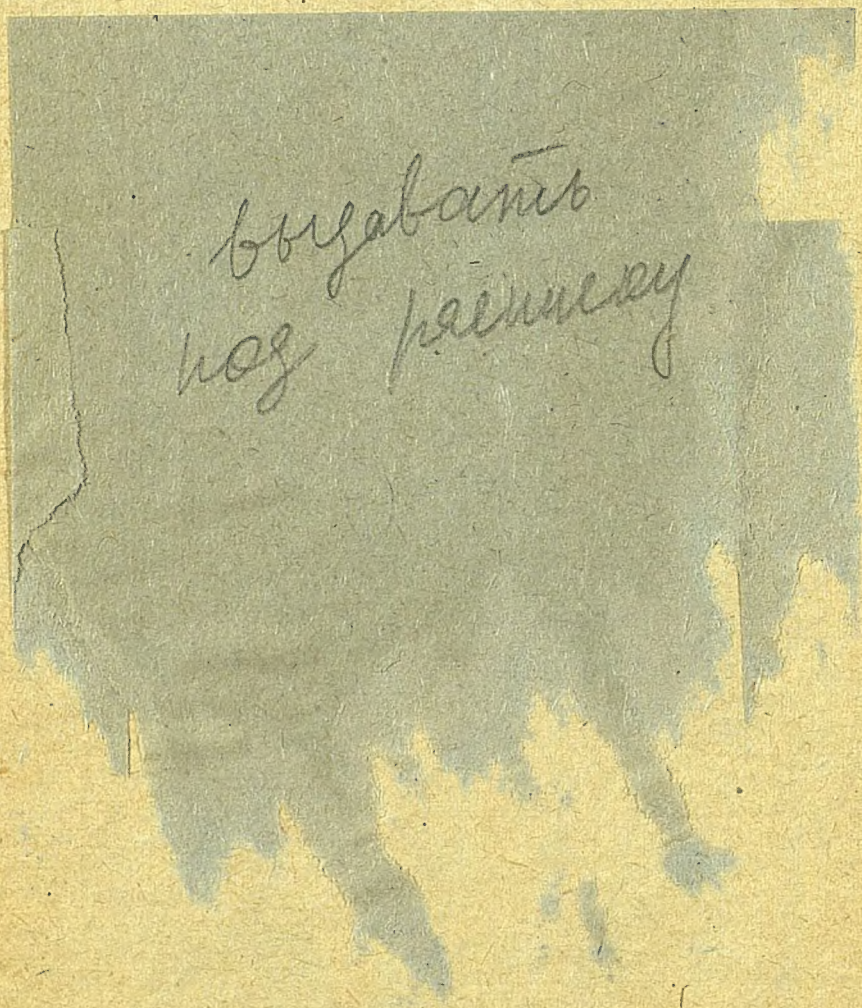
E41—
257

335
Б
34


выдавать
под расписку

Срок возврата

[illegible]
[illegible]

И

Н. БУХАРИН

Е41 257
Б94

ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ И РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ СОЮЗ

33329-88
ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
Ч9.6242
37487

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

335
Б-94.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1926 — ЛЕНИНГРАД.

DK 570

ПОГАШЕНО
БИБЛИОТЕКА
АГРАРНОГО
ИНСТИТУТА

422.
50.

Гиз № 15264. Ленинградский Гублит № 2786. 7 л. — 25.000 экз.

I. Мы выходим из нищеты. Мы строим свое хозяйство без помещиков и крупных капиталистов.

Начиная с 1924 года, мы, рабочий класс и крестьянство прежней царской России, начали довольно быстро вылезать из ужасной разрухи, стали залечивать тяжелые раны, стали изживать неурядицу и беспорядок, царившие в прошлые годы. Всякому—другу и недругу—теперь уже делается ясным, что хозяйство огромной страны начинает становиться на ноги. Какую отрасль производства мы ни возьмем, всюду мы замечаем оживление, под'ем, продвижение вперед.

В нашей стране основой всего хозяйства является сельское хозяйство. Промышленность у нас развита сравнительно слабо, и она в своем развитии тоже зависит от роста сельского хозяйства. Сельское же хозяйство в наших условиях—это есть хозяйство крестьянское, больше 20 миллионов крестьянских дворов.

За годы империалистической войны, за годы войны гражданской, за годы великой разрухи это крестьянское хозяйство было подорвано, разорено, обнищало. Но теперь всякий видит, что мало-по-малу деревня наша начинает накапливать силы: увеличивается запашка, растет производство, поднимаются новые культуры, крестьяне переходят от трехполья к многополью, кое-где появляются новые машины и тракторы; словом, помаленечку начинается и здесь движение вперед. Правда, царит еще море нищеты и море темноты. Но если сравнить теперешнее положение с годами гражданской войны, нет сомнения в том, что мы вылезаем из нищеты.

Вспомним прошедшие годы. В городах большинство фабрик и заводов стояло, лучшие рабочие дрались на фронтах, не было в городах топлива, не было сырья, не было

хлеба. Огромные фабрики и заводы не работали, магазины стояли пустыми, города быстро таяли, и народ из них бежал в поисках за куском хлеба в далекие деревушки, чтобы поближе быть к земле, чтобы как-нибудь отсидеться, чтобы хоть где-нибудь раздобыть кусок хлеба или мешок картофеля. Можно сказать, что все города ходили тогда «в куски», ходили побираться, растекались и расплескивались по всей стране.

А теперь мы видим, как снова быстро начинает расти город, как оживают фабрики и заводы, как начинают строиться новые дома, как кипит городская жизнь. Рабочий класс, истощенный голодухой, начинает оправляться от ужасных годов разрухи. Поднимая производительность труда, он (рабочий класс) обеспечивает себе все больше и больше лучшую жизнь. Понемногу начинаем мы строить и новые заводы. Понемногу идет вперед постройка электростанций, и электролампочка становится уже не такой редкой гостьей и под соломенной деревенской крышей.

Быстро подвигается вперед и развитие нашего транспорта. Стоит только сравнить и здесь прошлые годы с тем, что есть сейчас. Все мы помним, как ползли редкие поезда с выбитыми стеклами вагонов, все облепленные, точно муравьями, бесконечным количеством людей с мешками за спиной. Вся страна точно разбилась тогда на ряд осколков, и часто было почти невозможно в течение долгого и долгого времени перебраться с одного места на другое. А так-называемые «паровозные кладбища» (груды старых, испорченных, поломанных, заржавевших покойников-паровозов, разбитых, разломанных, изуродованных вагонов) были свидетелями того хаоса, той великой неурядицы, которые царили тогда в нашем транспорте.

Теперь мы упорядочили наше хозяйство и здесь. И железнодорожный, и водный транспорт делают все большие и большие успехи, начинают приносить государству прямую прибыль. Канули в вечность годы разрухи, исчезли навсегда старые неурядицы.

Вспомним также судьбу наших советских денег. Помним мы, как все падала и падала ценность наших советских знаков, которые брались уже на фунты, точно простые лоскутья негодной бумаги. На волоске этих несчастных советских знаков держалась государственная казна. Это было время, когда

хозяйство и государственная казна были совсем близки к своему полному краху.

А теперь мы имеем «твердые деньги», по городам и селам гуляет уже давно серебряная и медная монета, прочно стоит наш червонец. И крестьянин, и рабочий, и крестьянский двор, и завод, и фабрика, и рудник могут теперь считать, строить план своего хозяйства, знать наперед, что им нужно и можно расходовать, что им придется платить. Государственная казна может правильно считать свои доходы и расходы, составлять правильный план в своем собственном огромном хозяйстве.

Таким образом, по всем направлениям мы продвигаемся к лучшему будущему. Страна наша становится богаче, мы начинаем наносить удары бедности и нищете.

Подавляющее большинство всего того, что есть в нашей стране, принадлежит рабочему классу и крестьянству. Правда, мы допустили частного торговца, купца, посредника: мы разрешили кое-где,—где сами не могли справиться,—вести свое дело частным капиталистам. Местами мы сдали в концессию (в аренду) крупным иностранным капиталистам кое-какие предприятия, поднять которые нам самим еще не под силу и за аренду которых иностранный капитал платит нашему государству. Но если мы будем рассматривать наше хозяйство в целом, то на долю частных, арендованных и концессионных предприятий, промышленных и торговых, придется не так уж много. Подавляющее большинство хозяйств—это хозяйство рабочего государства или хозяйства крестьян, или мелкие хозяйства кустарей и ремесленников.

О чем, прежде всего, говорят эти факты?

Эти факты, прежде всего, говорят о том, что рабочие и крестьяне одни, без помощи капиталистов и помещиков, без прежних хозяев и управителей, без тех, кто командовал в течение десятков и сотен лет, простой народ, могут строить свое хозяйство.

Это обстоятельство имеет поистине огромное значение. Никогда еще в мире не было такого великого переворота, какой произошел у нас в октябре 1917 года. Ни разу и нигде, ни в одной стране, не удавалось еще трудовым народным массам согнать с теплых местечек командиров буржуазного

строя. Нигде еще рабочие и крестьяне не были в состоянии сами приняться за дело устроения своей собственной судьбы. И защитники буржуазного строя, защитники помещиков и капиталистов, постоянно жужжали во все уши, что трудовые массы—рабочие и крестьяне—не в состоянии будут, даже если бы захотели, вести хозяйство, управлять страной. Говорилось и писалось, что «простой», «неученый» народ никогда не сможет вести такого сложного дела. И после октябрьского переворота почти каждый день и каждый час предсказывалась наша неизбежная гибель. Всего за несколько дней до октябрьского переворота самый умный представитель русской буржуазии, кадет Милюков, писал, что большевики никогда не посмеют взять в свои руки власть. А когда большевики, т.-е. партия рабочего класса, опирающегося на крестьянство, эту власть «взяли», то все враги трудящихся со злорадством ожидали ее падения. И тем не менее, рабочий класс и крестьянство оказались в состоянии обойтись и без помещиков, которые навсегда сметены и выкорчеваны с лица нашей земли, и без крупных воротил капитала, которые доживают свои дни по заграничным столицам.

То обстоятельство, что трудовые массы управляются сами, имеет громаднейшее значение не только для нас, но и для трудящихся всего мира. Этот неслыханный и невиданный пример постоянно будет звать трудящихся других стран к великой переделке мира, к великой его перестройке. Этот пример на опыте, делом, опровергает россказни и басни защитников буржуазного порядка, что нельзя обойтись без капиталистов и помещиков. Этот пример вселяет бодрость и уверенность в души всех революционных борцов, в души строителей нового общества.

II. Почему мы до сих пор побеждали? (Союз рабочих и крестьян).

Если до сих пор мы оказались в состоянии выйти из всех трудностей, вывернуться из самых тяжелых положений, то это, главным образом, могло случиться потому, что в нашей стране создался против союза помещиков и капиталистов другой союз, союз рабочих и крестьян.

Во всех странах богатые (банкиры, заводчики, фабриканты, крупные помещики, владельцы железных дорог, рудников и т. д.) держатся тем, что порабощают волю значительной части трудовых масс. И только тогда приходит смертный час государству капитала и государству помещиков, когда рабочий класс целиком уходит из-под влияния буржуазии, и когда он, этот рабочий класс, вырывает широкие слои крестьянства из-под этого влияния буржуазии, помогает крестьянству освободиться от него, помогает стать ему на новые рельсы, на новые самостоятельные пути. И только когда против капиталистов и помещиков, против этого союза богатых классов, классов нетрудящихся, вырастает союз классов трудящихся, союз рабочих и крестьян,—только тогда оказывается возможной победа над старым строем и укрепление строя нового. Эту истину нужно помнить всегда, о ней нельзя позабывать ни на одну минуту. И всякий сознательный рабочий и крестьянин должен ее прочно усвоить, ибо только при таком условии можем мы надеяться на свои дальнейшие успехи.

Эта истина подтверждается, прежде всего, на ходе самой революции у нас. Возьмем нашу октябрьскую победу и посмотрим, благодаря чему мы оказались в состоянии победить. Не трудно будет убедиться, что октябрьская победа оказалась возможной именно благодаря тому, что в ходе борьбы рабочий подал руку крестьянину, а крестьянин протянул свою руку рабочему. Что было главным требованием крестьянства? Главным требованием крестьянства было требование земли и мира. Что было главным требованием рабочего класса? Главным требованием рабочего класса было требование перехода фабрик и заводов от капиталистов в народную собственность, было требование мира, было требование Советской власти. Крестьяне никак не могли бы добиться своего, если бы они не поддержали рабочих, и рабочие, со своей стороны, никак не могли бы добиться своего, если бы они не поддержали всей своей силой требований крестьян. Таким образом создался и выковался тот союз, тот «блок», между рабочим классом и крестьянством, который сделал сравнительно легкой победу в великие октябрьские дни. Дело было решено совместными и необычайно дружными действиями рабочих и солдат, солдат, которые были плотью от плоти и костью от кости нашего крестьянства.

Солдаты хотели мира,—и крестьяне хотели мира; крестьяне хотели земли,—и солдаты хотели земли; крестьяне хотели расправы с помещиками,—и солдаты хотели расправы с помещиками. Все эти требования поддерживались, распространялись, становились боевыми лозунгами в руках рабочего класса и его партии. Требования крестьян сплелись с требованиями рабочих. Требования рабочих сплелись с требованиями крестьян. И против этого соединенного напора огромнейшего, подавляющего большинства населения нашей страны не могли устоять никакие силы. В этом лежит корень октябрьской победы.

Почему победили мы, далее, в гражданской войне, тянувшейся целый ряд лет? Ведь, после нашей октябрьской победы против нас ополчились и иностранные капиталисты, которые поспешили на помощь российской буржуазии. Ведь, наша буржуазия и ее вооруженные силы были поддержаны всеми средствами—и военно-политическими, и финансовыми—со стороны целого ряда буржуазий могущественных государств. Неоднократно наша советская страна была в огненном кольце, была окружена со всех четырех сторон войсками неприятеля. Ведь, бывали минуты, когда Советская республика сводилась всего к нескольким губерниям, плотно сжатым наступающими отрядами врагов. Ведь, бывали минуты, когда под непосредственной угрозой находился Петроград,—передовой город пролетарской революции. Ведь, было время, когда Деникин подходил к Орлу, а в Москве белые заговорщики уже формировали свои штабы и свои офицерские кадры для грядущей расправы с «коммунистическими собаками». Ведь, мы переживали неоднократно целые месяцы, будучи отрезанными и от нефти, и от угля, и от хлеба. Ведь, целые годы мы жили на положении со всех сторон осажденной крепости, в которой уже начался голод и мор. И тем не менее, мы все же победили в этой исключительной по своей жестокости и по своему напряжению гражданской войне между эксплоататорами и эксплоатируемыми, между помещиками и капиталистами, с одной стороны, и рабочими и крестьянами—с другой. Где же корни этой победы?

Эти корни лежат, во-первых, в том обстоятельстве, что трудящиеся массы Запада, иногда сознательно, а иногда повинуясь лишь голосу своего классового

инстинкта, становились на нашу сторону, оказывали сопротивление своему начальству, своим правительствам, своим командирам и в разных формах, по-разному, мешали этим правительствам выполнять палаческое дело удушения победоносной революции в России. Не раз случалось, что отряды иностранных войск поднимали красные флаги и уходили с наших фронтов.

Второй, внутренней, причиной нашей победы был опять-таки крепкий военный союз между рабочими и крестьянами нашей страны. Крестьяне поддерживали рабочих в их борьбе против наседавших со всех сторон врагов. Этот военный союз между рабочим классом и крестьянством был продолжением и развитием боевого союза этих классов во время Октябрьской революции.

Этот военный союз, само собой разумеется, не висел в воздухе: он опирался на связь коренных интересов. Крестьянство, борясь с врагами, защищало недавно отвоеванную от помещика землю. Вражеские войска вели за собой целый хвост капиталистов, крупных землевладельцев, князей, баронов и графов, вытуренных из своих поместий и жаждавших получить обратно насиженные в течение веков старые, родовые дворянские гнезда. И когда крестьянские сыновья—солдаты нашей Красной армии, испытывая голод и холод, болея тифом, босые, отстаивали границы Советской страны и штыками отбивались от противника, они защищали великое дело освобождения от ига помещиков. Они видели, что нельзя укрепить за собой отвоеванную землю иначе, чем в союзе с рабочим классом, который посылал на фронты своих лучших сынов. Они подчинялись руководству рабочего класса, потому что видели, как в революционной, классовой схватке сыны фабрик и заводов героически отстаивают революционное дело, жертвуя всем ради победы над врагом. Они видели также, что только Советская власть является надежной опорой в этой невиданной борьбе. Со своей стороны, рабочий класс точно так же видел, что пришествие помещиков означало бы и пришествие капиталистов, и возврат всего старого режима в целом, и потерю завоеванных в октябрьской битве фабрик и заводов, и уничтожение Советской власти. Военный союз рабочего класса и крестьянства в гражданской войне опирался, таким образом, на общность основных и коренных задач, которые стояли на очереди

перед обоими трудящимися классами нашей страны. Правда, тяжести этого времени, когда нужно было с необычайной твердостью собирать все, что необходимо было для прокормления Красной армии, для поддержки фронта, для поддержки оставшихся в голодных городах рабочих,—тяжести этого времени не раз и не два колебали некоторые слои крестьянства. Не раз и не два эти слои крестьянства, измученные тяжестью борьбы и не понимавшие необходимости в огромных жертвах, перебегали на сторону противника, на сторону белых, на сторону учредиловцев, на сторону колчаковцев. Но суровый опыт гражданской войны всякий раз показывал им, что в стане белых нельзя искать спасения, ибо этот стан есть стан заклятых врагов не только рабочего класса, но и крестьянства. Колчаки и Деникины вколачивали шомполами веру в правоту большевистского дела и понимание необходимости тесного содружества с рабочим классом. В результате этого мучительного опыта, опыта, завоеванного кровью, крестьянство нашей страны убеждалось все более и более в необходимости жертв ради великой победы над противником. Так выковывалась спайка между рабочим классом и крестьянством в борьбе против общего врага. И здесь лежит второй корень нашей победы над всеми противниками, своими, отечественными, и иностранными. Победа над союзом помещиков и капиталистов есть победа союза рабочих и крестьян.

Когда последние отряды буржуазно-помещичьих армий были сброшены в море, и под советским знаменем, под красным флагом революции, вновь об'единилась на новых основах, на основах мирного и добровольного сожительства многочисленных трудовых народов, наша страна, началось новое время, стали на очередь новые задачи. Мы уже переставали быть осажденной, воюющей, отбивающейся крепостью. Гражданская война заканчивалась. Нужно было возможно более быстро переходить к мирному труду. Нужно было начинать чинку потрепанного хозяйства. А для всего этого нужно было перейти к другой экономической политике, которая соответствовала бы новому времени и новым задачам, ставшим в упор перед трудящимися классами нашей страны. Продразверстка нужна была для того, чтобы во что бы то ни стало прокормить армию и остатки голодного рабочего класса, без которого крахнуло бы все дело револю-

ции. Но продразверстка и запрещение торговли совсем не годились для того времени, когда нужно было перейти к под'ему производительных сил сельского хозяйства и к развертыванию нашей промышленности. Так совершился переход к новой экономической политике. Мало-по-малу отступали на задний план, а потом исчезали и совсем, остатки вооруженной борьбы против нас со стороны капиталистических держав. Наше хозяйство стало подыматься. Мы начали все больше торговать с капиталистическими государствами, и после ряда колебаний они стали, скрепя сердце, признавать, одно за другим, Советскую власть за «законную» власть на землях бывшей царской империи. И вот здесь перед нами в новой форме встает вопрос: как обеспечить нам дело своей окончательной победы, дело укрепления власти трудящихся, дело нашего хозяйственного роста, дело строительства нового общества, новых порядков, новых отношений? На этот вопрос мы должны ответить: мы победим окончательно, мы победим полностью и целиком, мы действительно устроим новое трудовое общество только тогда, если в этих новых мирных, не военных условиях сумеем вновь укрепить тот союз между рабочим классом и крестьянством, который обеспечивал нам победу на протяжении всей нашей революции. Вот почему мы должны вновь и вновь ставить перед собою вопрос о союзе между пролетариатом и крестьянством. Это не просто повторение старого вопроса, потому что речь идет о новых условиях, более сложных, чем раньше. Мы растем, мы хозяйственно становимся все сильнее и сильнее. Но зато не так виден наш общий враг, как в былое время гражданской войны. И нужно разобрать все опасности, лежащие на нашем пути, чтобы не поскользнуться и не проворонить того дела, ради которого мы сражались в течение стольких лет.

III. Рабочий класс и крестьянство.

В союзе рабочего класса и крестьянства, в союзе, благодаря которому мы устояли в борьбе с врагами и начали подымать наново хозяйство нашей страны, руководящая роль принадлежала рабочему классу. Рабочий класс в нашей стране не есть большинство трудящегося населения. Громадное большинство этого трудящегося на-

селения состоит из крестьян. И тем не менее, рабочий класс был и остается руководящей силой. Для того, чтобы понять, почему это так случилось, и почему это нужно для победы над помещиками и капиталистами, необходимо подробно рассмотреть положение этих классов в капиталистическом обществе.

При капитализме, при господстве буржуазии, во всех странах, в том числе и у нас, город всегда был кровососом по отношению к деревне. Все достижения техники и науки, все завоевания культуры сосредоточивались главным образом и прежде всего в городе. Деревня, сельское хозяйство были и есть на втором плане. Они неизбежно далеко отставали в своем развитии от города. Город притягивал к себе все лучшие силы, наиболее энергичных, дельных и способных людей. Деревня постоянно пустела, отдавая городу свои соки. В городе сосредоточивалась вся грамотность, все образование современного общества. В городе накапливались все сведения о том, что происходит в различных уголках земного шара. В городе находились и находятся основные узлы государственного аппарата, правительственные учреждения, все орудия сильных и мощных буржуазных государств. Деревня неизбежно обрекалась на замкнутое существование, деревня на целые века отставала по своим знаниям, по своей грамотности от города.

Вот эта основная разница наложила свою печать на рабочих, с одной стороны, и на крестьян—с другой стороны. Но дело, конечно, не только в этом. Рабочий класс фабрик и заводов не связан ни с какой собственностью. Он продает в капиталистическом обществе свои рабочие руки хозяину. Он видит ежедневно, ежечасно, что он работает на этого хозяина. Он начинает ненавидеть буржуазию, не верить ей. А с другой стороны, каждый рабочий привыкает работать бок-о-бок с другим таким же рабочим. Рабочие живут и работают, будучи скоплены огромными массами на гигантских фабриках и заводах, в шахтах и на рудниках. Они не только научаются ненавидеть буржуазию, не верить ей, раскрывать всякий обман с ее стороны, но они научаются давать ей общий отпор. Они привыкают все время к мысли, что только сообща можно победить врага, что только сообща можно, свалив врага, вести по-новому все хозяйство, управлять

по-новому отвоеванной у буржуазии страной. Городская культура все же дает в их распоряжение кое-какие средства, которые позволяют рабочему выстроить свои ряды в стройную армию, идущую в бой против господства помещиков и капиталистов, разгадывая все хитрости врага. Не так обстоит дело с крестьянином. Крестьянин работает сам, своим особым хозяйством, своей семьей, своим двором. Он не привык, за немногими исключениями (например, покосы и т. д.), работать сообща и совместно со своими односельчанами. У него особое, частное, хозяйство, он видит, прежде и раньше всего, интересы этого своего мелкого хозяйства. Условия деревенской жизни редко выводят его за пределы деревенской околицы. До сих пор есть еще крестьяне, которые никогда не выезжали даже в уездный город, есть и такие, которые никогда не ездили по железной дороге.

Конечно, это не «вина» крестьянина, а его беда. Но тем не менее, это—факт, и с этим фактом, с этой действительностью нужно считаться, нужно принимать ее во внимание.

Крестьянство к тому же совсем не однородно. Крестьянином зовется и зажиточный трактирщик, деревенский ростовщик, кулак; крестьянином зовется и крепкий хозяин, имеющий нескольких батраков, получающий прибыль с их работы и держащий их в узде; крестьянином зовется и трудовой хозяин, работающий со своей семьей сам для себя, не живущий за счет чужого труда; крестьянином зовется и бедняк, безлошадный, еле-еле сводящий концы с концами и часто подрабатывающий где-нибудь на стороне; крестьянином, наконец, зовется и полубатрак, полурабочий, для которого его крестьянское хозяйство составляет лишь подсобный источник существования.

В капиталистическом строе громадное большинство крестьян обречено, по сути дела, на такое существование, когда люди лишь сводят концы с концами. Но каждый крестьянин, имеющий свое хозяйство, свою собственность, ищет, главным образом, выхода в том, чтобы, увеличивши свое хозяйство и свою собственность, попасть в следующий, высший, разряд крестьянского населения и таким образом подниматься со ступеньки на ступеньку. Имея свою собственность и надеясь ее увеличить (хотя эти надежды, по сути дела, являются в огромном большинстве случаев пу-

стыми надеждами), крестьянин поэтому имеет известное уважение и известное доверие к более крупным собственникам, а следовательно, и к буржуа. Он не научается поэтому ненавидеть богатый класс той ненавистью, которой отличается рабочий класс, стоящий лицом к лицу с капиталом. Часть крестьян даже чувствует известного рода почтение к крупным собственникам, и нужен опыт классовой борьбы и прямых столкновений с противником, чтобы развенчать в глазах крестьянина его классовых врагов. Поэтому капиталисты и помещики гораздо скорее могут обмануть крестьянина, чем рабочего.

С другой стороны, крестьянин, не привыкший к постоянной совместной работе и к совместной борьбе, не в состоянии бывает давать систематический постоянный отпор своим противникам. Разбросанное по деревням, селам и деревушкам, разбросанное и распыленное, точно песок речной, крестьянство не представляло и не могло представлять из себя той стройной и организованной армии, какую удавалось сколотить городскому рабочему.

Если при этом вспомнить, что городская жизнь давала и дает городскому жителю гораздо больше всяческих знаний, грамотности, уменья распознавать хитрости врагов и т. д., то нетрудно будет сообразить, что руководство в блоке крестьян и рабочих должно было неминуемо принадлежать рабочему классу. Ведь, из всего того, что мы только-что видели, вытекает, что рабочий класс является силой, гораздо более сознательной, гораздо более организованной и гораздо более способной вести за собою широкие слои трудящегося населения. Еще и еще раз нужно подчеркнуть, что не «вина» крестьянина его меньшая сознательность, а его беда. Но точно так же ясно, что руководство со стороны пролетариата будет полезно не только для самого рабочего класса, но и для крестьянства. Без этого руководства проиграли бы не только рабочие, но и широкие слои крестьянства.

Так обстоит дело, если мы рассмотрим вопрос о таком времени, когда рабочий класс и крестьянство идут на штурм

против союза помещиков и капиталистов. А как обстоит дело, когда, уже после свержения господства этих помещиков и капиталистов, приходится управлять государством и вести все хозяйство страны, отвоеванное у буржуазии и помещиков?

Здесь опять-таки нужно внимательнейшим образом рассмотреть вопрос. Рабочий класс и крестьянство не сваливаются с неба, когда они впервые завоевывают власть. Они выходят из недр капиталистического общества. В этом капиталистическом обществе и рабочий класс, и крестьянство находились на положении классов угнетенных. Даже рабочий класс не в состоянии был при капиталистическом строе подняться настолько, чтобы обучиться делу управления. Ведь, вся высшая школа была в руках у буржуазии, все командные высоты в правительстве, в армии, в хозяйстве, в науке и т. д. находились в руках господствующих классов. Поэтому рабочий класс не мог никоим образом в пределах капиталистического общества выработать из своей среды все те силы, которые нужны для того, чтобы налаживать самим, и исключительно своими собственными силами, весь огромный и сложный государственный и хозяйственный аппарат страны. Когда трудящиеся массы сбрасывают господство помещиков и капиталистов, то на их плечи немедленно же взваливаются такие тяготы, с которыми раньше не приходилось встречаться. Рабочему классу и трудящейся массе вообще, нужно думать теперь уже решительно обо всех областях хозяйства и управления. Им нужны техники и инженеры, химики и агрономы, судьи и администраторы, ученые и учителя,—словом, все силы, без которых нельзя вести страну по пути хозяйственного и всякого иного совершенствования. А так как рабочий класс не имел и не мог иметь в своем распоряжении своих собственных сил такого рода, то, естественно, сейчас же после завоевания власти трудящимися массами на очередь становится и вопрос об использовании многих из тех сил, которые раньше, в общем и целом, служили верой и правдой, не за страх, а за совесть, старому, теперь уже свергнутому буржуазному режиму. Следовательно, перед трудящимися массами возникает новой сложности задача, задача подчинения своим целям и задача переработки всех вышеупомянутых сил в том духе, в каком это нужно для упрочения и укрепления нового строя.

Если у рабочего класса не оказывается сразу достаточных сил и он вынужден, борясь с врагами и неустанно искореняя их открытое и скрытое сопротивление, использовать силы, вначале ему враждебные или полувраждебные и только впоследствии переходящие на его сторону, то тем менее сил оказывается у крестьянства, которое, как мы видели раньше, в условиях капиталистического режима оказывается неизбежно гораздо более отсталым и гораздо менее способным разгадывать планы врагов и вести правильную политику.

Рабочий класс все же, несмотря на свою придавленность в условиях капиталистического общества, оказывается способным руководить общей политикой, общим направлением этой политики и, неизбежно делая ряд ошибок, все же, в конце-концов, учится побеждать и те трудности, которые встречаются на его новом пути.

Само собою разумеется, что рано или поздно и крестьянство все больше и больше будет учиться на опыте делу хозяйственного и политического строительства. Но если уже в то время, когда задачей трудящихся классов было лишь ниспровержение союза помещиков и капиталистов, если в это время необходимой была руководящая роль пролетариата в союзе рабочих и крестьян, то после завоевания власти это руководство отнюдь не становится излишним или менее необходимым. Наоборот, можно сказать, что в особенности в первый период, в первую полосу укрепления и развития нового строя, когда появляются огромные массы новых и чрезвычайно сложных задач, это руководство должно быть обеспечено во что бы то ни стало. Дело вовсе не в том, что рабочему классу обязательно «хочется» быть на первом месте. Дело в том, что,—как бы ни думали об этом некоторые слои крестьянства,—это руководство необходимо и в интересах самой широкой крестьянской массы. Если бы рабочий класс потерял, в силу каких-нибудь причин, свое руководство по отношению к крестьянству, то тогда совершенно неизбежно дело кончилось бы победой буржуазии.

Руководство со стороны пролетариата является, таким образом, необходимейшим условием победы рабоче-крестьянского дела. Но вопрос обстоит еще более сложно, чем

это кажется на первый взгляд. Дело в том, что и сам рабочий класс неоднороден. У него и внутри него есть различные составные части, которые, хотя и не так резко отличаются друг от друга, как это имеет место между различными слоями, группами и классами внутри крестьянства, но, тем не менее, все же должны быть приняты во внимание. Возьмем, например, такой слой рабочего класса, как сельскохозяйственные рабочие—батраки. Они являются наемными рабочими, они большей частью не связаны ни с какой собственностью, но в то же самое время общие условия их труда (деревня и деревенские условия вообще; связанная с этим культурная и политическая отсталость; большая разбросанность в работе; большое сходство с условиями труда в крестьянском хозяйстве и т. д.) страшно затрудняют рост их сознательности по сравнению с городскими рабочими, живущими и работающими скопом, в культурных центрах страны. Если мы рассмотрим весь рабочий класс в целом, то увидим, что здесь есть и выходцы из крестьянства, и выходцы из ремесленников, мелких торговцев и т. д. С другой стороны, есть и рабочие, которые уже являются рабочими, быть-может, во втором или третьем поколении и с молоком матери уже всосали в себя пролетарский образ мысли, пролетарские привычки и взгляды. Целый ряд других условий влияет по-разному на различные слои рабочего класса. И поэтому немудрено, что по своей сознательности рабочий класс никогда не был—и до сих пор еще не является—совершенно однородным. Наиболее сознательные рабочие, которые яснее и лучше других видят и понимают пути и основные интересы трудящихся масс, об'единяются в самой передовой организации трудящихся—в коммунистической партии, партии, которая самым последовательным и самым умным образом ведет борьбу за уничтожение власти капитала и за постройку будущего нового общества. Если в партии об'единяется наиболее сознательная часть пролетариата, то совершенно очевидно, что внутри самого пролетариата ей должна принадлежать, в свою очередь, руководящая роль. И здесь мы точно так же можем сказать: конечно, не «вина» наиболее отсталых слоев рабочих в том, что они отсталы, и в том, что они по своей сознательности уступают место другим слоям рабочего класса,— это не вина, а «беда» их.

Библиотека Аграрного института

С другой стороны, совершенно понятно и очевидно, что, если бы выпало руководство со стороны партии, если бы это руководство каким-нибудь образом было уничтожено, то это в высокой степени повредило бы всему рабочему классу в целом, ибо это означало бы уничтожение руководства со стороны наиболее сознательной, наиболее передовой и наиболее организованной части рабочего класса.

Итак, к чему мы пришли? Мы пришли к тому, что для победы рабоче-крестьянского дела, дела трудящихся масс, необходимы следующие основные условия: во-первых, необходим союз между рабочими и крестьянами, их блок; во-вторых, в этом союзе руководящая роль должна принадлежать рабочему классу; в-третьих, в самом рабочем классе руководящая роль, в свою очередь, должна принадлежать коммунистической партии. Если внутри рабочего класса уничтожится руководящая роль коммунистической партии, или если уничтожится руководящая роль рабочего класса над крестьянством, тогда совершенно неизбежно лопается все рабоче-крестьянское дело, тогда неизбежно побеждают заклятые враги и рабочего класса, и крестьянства.

Можно, однако, поставить вопрос и о таких вещах, где интересы рабочего класса и крестьянства не совпадают, а иногда даже противоречат друг-другу. Например, можно указать, что крестьянин продает хлеб, а рабочий этот хлеб покупает. Крестьянин, продающий хлеб, заинтересован поэтому в более высоких ценах; рабочий, покупающий хлеб, заинтересован в ценах более низких. Это противоречие, действительно, существует в жизни. Но мы, ведь, не говорили, что рабочий класс и крестьянство—это один и тот же класс. Мы вовсе не говорили, что между рабочим классом и крестьянством нет никакой разницы. Нужно смотреть правде в глаза и не замазывать дело всякой пустопорожней болтовней. Эти расхождения между рабочим классом и крестьянством существуют, но они отступают на задний план перед такими интересами и такими вопросами, которые

имеют более коренное и более основное значение для обоих классов. Точно так же помещики и капиталисты никогда не были одним и тем же классом; между ними были очень крупные противоречия интересов: городская буржуазия точно так же покупала хлеб и сырье у помещиков, помещики продавали ей этот хлеб и это сырье; и наоборот, буржуазия продавала помещикам продукты промышленности, и помещики покупали у нее эти продукты. И тем не менее, несмотря на это довольно существенное противоречие, союз капиталистов и помещиков, в особенности за последнее время, был основным фактом общественной жизни, и всюду и везде блок помещиков и капиталистов, под руководством буржуазии, т.-е. под руководством этих капиталистов, являлся господствующей силой, с которой приходилось и приходится вести борьбу рабочему классу и крестьянству. Точно так же, как помещики и капиталисты, не будучи одним классом и отличаясь друг от друга, шли и идут в блоке, в союзе друг с другом и все больше об'единяются в хозяйственной жизни и в классовой борьбе против рабочего класса и крестьянства, так и пролетариат, не являясь тем же классом, что и крестьянство, тем не менее, должен итти в блоке, в тесном союзе с крестьянством; а крестьянство, со своей стороны, должно, ради собственных основных интересов, поддерживать пролетариат, быть с ним в союзе, добровольно соглашаться на руководящую роль рабочего класса, ибо только при этих условиях возможна общая победа рабоче-крестьянского дела.

IV. Борьба рабочего класса с буржуазией за крестьянство.

То обстоятельство, что деревня неизбежно отстает в своем развитии от города, приводит к очень важному явлению. А именно, крестьянство обычно оказывается не в состоянии играть совершенно самостоятельную роль, оно неизбежно подпадает либо под влияние буржуазии, либо под влияние пролетариата. Очень часто крестьянство колеблется между этими двумя основными классами капиталистического общества. Со своей стороны, буржуазия, используя все преимущества своего положения, используя свои финансовые средства, свое политическое господство, свою монополию на науку,

школу, газеты и т. д., ведет систематическую, упорную, никогда не прекращающуюся борьбу за то, чтобы подчинить своему господству, в том числе и своему идейному господству, широкие слои крестьянства, при чем проводниками этого буржуазного влияния на крестьянство являются обычно более зажиточные слои крестьянства, естественно тяготеющие к буржуазии. Рабочий класс, в свою очередь, борется за то, чтобы высвободить крестьянство из-под влияния буржуазии, раз'яснить крестьянству необходимость борьбы с капиталистическим строем, который противоречит основным интересам широкой массы крестьянской бедноты и отчасти среднего крестьянства. В зависимости от того, куда склоняется, в какую сторону колеблется крестьянство—в сторону пролетариата или в сторону буржуазии,—решается вопрос о том, крепко ли стоит на ногах блок помещиков и капиталистов, или же ему, действительно, грозит серьезная опасность со стороны блока рабочих и крестьян. На примере нашей революции можно прекрасно видеть, каким образом буржуазия пыталась использовать темноту крестьянства и его излишнее доверие к крупным собственникам, использовать для того, чтобы сделать из крестьянства пушечное мясо против пролетариата. И точно так же на примере нашей революции и ее развития можно великолепно видеть, как при правильной политике со стороны пролетарской партии можно вырвать крестьянство, в его же собственных интересах, из-под влияния буржуазии и создать из крестьянства добавочную, очень значительную и мощную силу, остриё которой направлено против эксплоататорского капиталистического общества.

Буржуазия непосредственно после февральской революции пыталась обмануть крестьянство в вопросе о войне. Буржуазия, играя на крестьянской темноте и на крестьянской приверженности к родине, пыталась изобразить империалистическую войну, которую она вела по прямой указке английских и французских империалистов, подгоняемая хлыстом этих капиталистов, как войну справедливую, как войну неграбительскую, как войну исключительно оборонительную. Буржуазия играла на патриотических и собственнических струнках крестьянства, буржуазия пыталась изобразить самую революционную партию нашей революции, партию большевиков, как сброд немецких шпионов, немецких агентов, поставивших себе целью распродажу нашей страны герман-

скому империализму. И нужно сказать, что одно время, благодаря бешеной травле со стороны всей буржуазной печати, ей удалось достигнуть известных—с ее точки зрения хороших—результатов. Нашей партии и рабочему классу пришлось испытать тяжелые времена, когда мелкобуржуазная партия социалистов-революционеров оказалась во главе крестьянства и проводила целиком вместе с меньшевиками—другой мелкобуржуазной партией в нашей стране—ту политику, которую диктовала им наша буржуазия. И только энергичнейшая работа нашей партии и опыт войны и революции, из которого сами массы убеждались постепенно в полной правоте большевиков, сделали то, что буржуазный обман и буржуазная ложь относительно войны были разоблачены до конца.

Буржуазия пыталась точно так же использовать очень искусно и известные предрассудки среди крестьян в вопросе о земле. Широкие массы крестьянства желали получить (и это была вековая мечта нашей деревни) помещичью землю, желали страстно и упорно забрать эту землю от помещиков. Но, с другой стороны, некоторые слои крестьянства, в первую очередь более зажиточные слои, которые, с одной стороны, меньше нуждались в помещичьей земле, а с другой стороны, имели гораздо больше почтения и уважения к крупным собственникам вообще, естественно находились в состоянии колебания и нерешительности. Буржуазия через партию своих лакеев, через партию социалистов-революционеров, пыталась задержать естественное стремление крестьянства к завоеванию помещичьей земли. На все лады твердили, что нельзя забирать землю «до учредительного собрания», что нельзя выкуривать помещика без особого закона из его помещичьих имений; пугали ужасной резней и ужасным земельным хаосом, который должен возникнуть, если крестьяне «самочинно», т.-е. не дожидаясь никаких распоряжений сверху, будут забирать эту землю, выгонять помещиков, расправляться с ними так, как они этого заслужили. Только одна партия, партия большевиков, партия рабочего класса, стояла за немедленную конфискацию помещичьих земель, кричала крестьянам на всех митингах и собраниях, что крестьяне должны, ничего не дожидаясь и никого не слушая, сами забирать эту землю у помещиков. Мы помним то время, когда в правительстве сидели предста-

вители буржуазии совместно с представителями партии социалистов-революционеров, и когда это правительство арестовывало крестьянские земельные комитеты за их не совсем деликатное обращение с помещичьей землей. Наоборот, наша партия вела энергичнейшую работу по раз'яснению крестьянам всей необходимости разгрома помещика, изгнания его с земли. Ибо только развязав революционную энергию крестьянства (а развязывать ее нужно было прежде и раньше всего на вопросе о земле), мы могли создать действительно прочные гарантии революционной победы. Совместный план буржуазии, эсеров, меньшевидов и т. д., план оттяжки разрешения земельного вопроса, план, который на самом деле был не чем иным, как поддержкой всего старого режима в целом, этот план провалился потому, что в вопросе о земле крестьянство пошло не за буржуазией, а пошло за рабочим классом, пошло не за умеренными лозунгами буржуазии и соглашательских партий, а пошло за последовательными революционными лозунгами, выставлявшимися партией рабочего класса.

Эта же ожесточеннейшая борьба между рабочим классом и буржуазией за влияние на крестьянство продолжалась и далее. Самым опасным для буржуазии было, конечно, завоевание власти рабочим классом и укрепление этой власти. Буржуазия отлично понимала, что это неизбежно случится, если крестьянство в решительный момент поддержит рабочий класс. Наша буржуазия отлично учитывала тот опыт, который оставил ей в наследство ниспровергнутый царский режим, она помнила, что помещичьему царю удалось разбить силы революционного народа в 1905 г. именно потому, что тогда рабочий класс не был во-время поддержан крестьянством: крестьянство выступило значительно позже, уже тогда, когда разбит и разгромлен был головной отряд революционного движения—городской рабочий класс. Царизму удалось тогда покончить с революцией именно потому, что ему удалось разбить революционную армию по частям. Поэтому понятно, что буржуазия прилагала все усилия, чтобы раз'единить рабочих и крестьян. Непосредственно перед октябрьскими днями и позже, во время борьбы Советской власти за существование, буржуазия, при помощи своих аген-

тов—эсеров и меньшевиков, пыталась обмануть крестьянство лозунгом «демократии»: против власти Советов, т.-е. против руководства пролетариата, выставлялся лозунг так-называемой «демократии» и «учредилки», т.-е., по существу дела, лозунг буржуазного господства и руководства, руководства частью прямого, частью через эсеров и меньшевиков. Рабочий класс и его партия обвинялись в том, что они изменяют лозунгу «равенства», лозунгу «свободы» и т. д. Время было тогда боевое. Нужно было во что бы то ни стало, твердой рукою, беспощадно и мужественно, душить все контр-революционные попытки со стороны буржуазии и помещиков. Буржуазия и помещики в нашей стране имели своих многочисленных сторонников в лице не только меньшевистской и эсеровской партии, но и в лице огромных слоев чиновничества, служащих, так-называемой интеллигенции (врачей, адвокатов, учителей, профессоров, духовенства и проч.), не говоря уже об офицерских кадрах бывшей царской армии, которые в своем подавляющем большинстве совершенно открыто стояли за возвращение старых порядков. И вот в такое время, когда нужно было вести всеми средствами беспощадную борьбу и обезоруживать противников, буржуазия, эсеры и меньшевики выставляли лозунг «равенства» и «свободы», т.-е. свободы для заговорщиков вести свою работу, свободы для бывших помещиков обманывать крестьян, свободы для капиталистов использовать свою денежную суму для подкупа и организации своих сторонников и т. д. Если меньшевики и эсеры не совсем хорошо понимали, что в таких условиях требование «демократии», которое выставлялось против лозунга Советской власти и диктатуры пролетариата, на самом деле означало не что иное, как требование всяческих свобод для буржуазии, то эта последняя прекрасно понимала, в чем дело. Она подготавливала военную диктатуру кровавых генералов, но ей прежде всего необходимо было обмануть хотя бы часть широких народных масс, оторвать крестьянство от рабочего класса, подорвать, таким образом, крепость Советской власти обманным лозунгом «демократии» и «учредилки». Буржуазия справедливо надеялась на то, что если ей удастся через своих подручных ниспровергнуть Советскую власть, уничтожить руководство пролетариата, то совсем нетрудно будет разделаться «в два счета» с эсерами и меньше-

виками, которые совершенно неспособны на какое бы то ни было твердое руководство.

Опыт действительной борьбы показал, что там, где часть крестьянства шла за этими обманными лозунгами, переходила на сторону учредиловцев, там ход событий неизбежно приводил к тому, что через короткий промежуток времени воцарялся и начинал обладать безраздельной властью какой-нибудь из царских генералов. Так было на юге (Деникин, Врангель и проч.), так было на востоке (Колчак и т. д.). Крестьяне, убедившись на собственном опыте в том, к чему приводит учредиловская «демократия», вновь поворачивали к Советской власти, вновь освобождались из-под руководства буржуазии и переходили на сторону пролетариата,—на этот раз гораздо более прочно, решительно и беззаветно. И вновь восстановившийся союз рабочего класса и крестьянства снова проделывал поистине великие чудеса в борьбе против об'единенных сил помещиков, капиталистов и иностранной буржуазии.

И сейчас, по сути дела, не прекращается эта борьба между рабочим классом и буржуазией за влияние на крестьянство. Несмотря на наш хозяйственный рост, у нас налицо громадное количество трудностей. Наследство старой разрухи висит еще тяжелой гирей на наших ногах. Рабочий класс и городская промышленность не сразу могут дать достаточное количество товаров по достаточно дешовым ценам. Советская власть и руководящая партия прилагают все усилия, чтобы возможно скорее поднять производство, снизить себестоимость и направлять в деревню возможно более дешовые товары. Но нельзя прыгнуть выше своих ушей, и поэтому лишь постепенно наша государственная промышленность оказывается в состоянии решать поставленные ей задачи.

Постройка огромного государственного аппарата, обеспечение страны необходимой обороной, налаживание всего дела управления и т. д. требуют значительных расходов. Эти расходы, в свою очередь, вызывают необходимость в налоговом обложении, в том числе и налоговом обложении крестьянства. На разоренные и обнищавшие крестьянские хозяйства эти налоги ложатся тяжелым грузом. И рабочий класс не сразу, а лишь постепенно может понижать эти налоги, лишь постепенно может улучшать самую систему обложения,

учитывая на опыте, каким образом облегчить крестьянству приходящиеся на его долю тяготы.

Молодое государство в начале своего рождения не имело достаточного количества умелых и знающих людей, преданных делу революции; рабочий класс и крестьянство никогда раньше не учились управлять государством. Немудрено поэтому, что и рабочие, и крестьяне, вовлекаемые в общегосударственное строительство, делали ряд ошибок, которые в свою очередь тяжело отражались на крестьянстве. Выработать достаточное количество людей, нужных для управления такой огромной страной, как наша,—дело вовсе не легкое. Господствовавшие прежде классы вырабатывали своих, нужных им людей в течение целых сотен лет и целого ряда поколений. А Советская власть, власть трудящихся, насчитывает всего-навсего несколько лет своего существования в нашей стране. Отсюда неизбежны недостатки в системе нашего управления, отсюда целый ряд печальных явлений и так-называемых «недостатков механизма».

И вот все эти недостатки используются сторонниками буржуазии для того, чтобы вбить клин между рабочим классом и крестьянством, для того, чтобы расщепить и расколоть союз рабочих и крестьян, вырвать крестьян из-под руководства пролетариата и захватить хотя бы их значительную часть под руководство и идейное влияние сторонников буржуазии.

Следует вспомнить еще о том, что борьба за влияние на крестьянство, эта классовая борьба между пролетариатом и буржуазией, в теперешнее время ведется, между прочим, в нашей стране в совершенно особой, совершенно своеобразной форме, а именно, в форме борьбы за хозяйственную, экономическую смычку с крестьянством. Эта борьба ведется нашей государственной промышленностью и государственной торговлей против частного капитала, частного торговца и купца, который со своей стороны отчаянно борется за рост своего экономического, хозяйственного влияния на крестьянство, т.-е. борется за то, чтобы получить с этим последним экономическую смычку. Эта борьба между пролетариатом и буржуазией ведется особыми средствами, и пролетариат сможет победить в этой борьбе лишь в той мере, в какой ему действительно удастся поднять свою промышленность, наладить хороший и дешо-

вый торговый аппарат и показать всему крестьянству, что государственное хозяйство в состоянии лучше удовлетворять насущные экономические потребности и нужды крестьянского населения, чем частный капиталист, частный торговец, частный купец, частный посредник.

V. Как может возвратиться с заднего хода старый режим.

В руках рабочего класса, в распоряжении государственной власти находятся сейчас вся крупная промышленность, транспорт и крупная оптовая торговля. В руках у новой и остатков старой буржуазии находятся сравнительно незначительные капиталы, но зато имеются огромнейший опыт, ловкость, пронырливость, умелость. С этими средствами частный капитал ведет против нас систематическую, отчаянную, прямо бешеную борьбу. Эта борьба не проходит в формах кровавых сражений, но, тем не менее, она имеет крупнейшее значение для всей судьбы нашей страны. И поэтому для рабочего класса и крестьянства особенно важно понять, какие условия обеспечивают победу союза рабочего класса и крестьянства, и какие условия могут привести к победе союза помещиков и капиталистов.

Мы уже сказали, что задачей рабочего класса и задачей городской промышленности является такое развитие производства, которое бы полностью и дешево удовлетворяло нужды крестьянского населения. Если этого нет, и если частный предприниматель, например, мелкий частный фабрикант, производит лучше или дешевле, чем государственные заводы, то само собою разумеется, что действительную смычку с крестьянством получает этот частный предприниматель, который в глазах крестьянства повышает свой хозяйственный вес, свой авторитет; наоборот, в таком случае хозяйственный авторитет государственных предприятий, а вместе с тем и всего государства, в глазах крестьянства падет. Если наша государственная торговля, наши торговые агенты продают товар дороже, благодаря своей неумелости, благодаря высоким накладным расходам своего аппарата, благодаря халатному ведению дела и т. д., в то время, как частный торговец, привыкший использовать всякую мелочь, продает дешевле,

то в таком случае крестьянство опять-таки будет ценить гораздо выше торговлю частную, чем государственную. Хозяйственный авторитет частного торговца будет стоять выше хозяйственного авторитета государственных учреждений. Действительную экономическую смычку, действительное влияние будет получать частный капитал, а это все означает не что иное, как победу буржуазии над рабочим классом в борьбе за экономическое влияние на крестьянство.

Можно сказать, что вопрос стоит сейчас таким образом: смычка кого с кем будет происходить,—частного торговца и капиталиста с крестьянством или пролетарской промышленности с этим самым крестьянством? От ответа на этот вопрос и зависит исход классовой борьбы. Совершенно не важно, что эта борьба ведется в мирных формах, что эту борьбу мы ведем без звона металлического оружия. Несмотря на это, она имеет поистине гигантское значение, она, эта борьба, на деле решает все.

Если частный торговец и капиталист будут отвоевывать себе все большее и большее место в нашей хозяйственной жизни, и если именно эти классы будут устанавливать свою хозяйственную смычку с крестьянством, то это будет означать разрыв и трещину в том фундаменте, на котором в настоящее время нужно строить весь союз рабочего класса и крестьянства. Если бы буржуазии действительно удалось все больше оттеснять экономически государственную промышленность и государственную торговлю, то это неизбежно повлекло бы за собою и растущее политическое влияние этой буржуазии на крестьянство. В настоящее время, когда кончилась гражданская война, и когда главнейшей задачей является укрепление хозяйства, вполне понятно, что рост политического влияния рабочего класса на крестьянство, рост доверия этого крестьянства к Советской власти, может быть обеспечен лишь в той мере, в какой Советская власть будет показывать себя способной к хозяйственному руководству всей страной. Если бы этого не было, если бы было обратное, то тогда совершенно неизбежным окажется переход политического влияния на крестьянство от пролетариата к буржуазии.

Если бы крестьянство ушло из-под политического руководства со стороны пролетариата и подпало бы под влияние

буржуазии и частного капитала, то это неминуемо повлекло бы за собою падение Советской власти и водворение буржуазного режима, т.-е. установление политического господства новой буржуазии и остатков старой буржуазии, разбитой во время великой революции. Первым делом такого нового правительства была бы неизбежно отмена всяческих национализаций, фабрики и заводы перешли бы в руки частных лиц, частных заводчиков и фабрикантов; была бы немедленно отменена национализация земли, и было бы введено разрешение полной свободы торговли и спекуляции этой землей; началась бы бешеная, горячечная скупка этой земли, в первую очередь, той ее части, которая находится в руках бедноты, не имеющей достаточного инвентаря. Произошло бы в очень короткий срок гигантское обезземеление крестьянства и сосредоточение крупных земельных фондов (запасов) в распоряжении ловких земельных спекулянтов, которые частью сами превратились бы в новых помещиков, частью, перепродав эти земли другим богатым людям, способствовали бы тому, что из этих последних точно так же образовались бы добавочные слои помещиков. Эти новые помещики, само собою разумеется, начали бы сдавать часть своей земли в аренду крестьянам, заставляя их платить большие деньги в виде арендной платы. Таким образом, мы пришли бы снова к восстановлению порядков, чрезвычайно похожих на те порядки, которые смела наша революция, и за уничтожение которых так героически боролись и рабочий класс, и крестьянство.

Новые правящие классы должны были бы платить полностью все долги царского правительства, все долги правительства Керенского, и чтобы быть в состоянии выплатить эти поистине огромные суммы, они неизбежно должны были бы обложить неслыханной данью крестьянство, во много раз увеличив его налоговое обложение и беспощадно нажимая на рабочий класс для того, чтобы попытаться на хозяйских началах пустить в ход частную промышленность. Само собой разумеется, что были бы совершенно уничтожены не только советские органы, но и всякое подобие вмешательства со стороны рабочего класса в ход производства; были бы уничтожены всяческие фабзавкомы, профессиональные союзы были бы лишены прав, рабочий класс целиком и полностью

был бы устранен от всяческой командующей роли в производстве. Очень скоро и крестьянство поняло бы, что оно проиграло дело, что разрыв союза между рабочим классом и крестьянством привел к громадному ущербу для широких масс крестьянства, что он оказался на-руку только и исключительно кулацкой верхушке, эксплоататорским слоям, т.-е. сельскохозяйственной буржуазии. Массы вновь пришли бы в великое движение, крестьянство снова стало бы точить топоры и поднимать вилы на новых помещиков, и вся история началась бы с начала, с громадными потерями, при обессилении рабочего класса и обессилении крестьянства, при гораздо большей опытности буржуазии, при гораздо большей поддержке этой буржуазии со стороны всего иностранного капитала, не разделенного, как это было в 1917 г., своей собственной империалистической потасовкой.

Конечно, на самом деле ничего этого не будет. На самом деле будет совершенно другое. Наша государственная промышленность, наша государственная торговля, наша кооперация будут все более и более расти, все более и более оттеснять частного торговца и частного посредника, и в конце-концов, на этой почве рабочий класс будет все лучше и лучше притягивать под свое влияние и свое руководство широкие крестьянские массы, вовлекая их в дело активного строительства нового режима, нового строя. Мы пойдем не по обычному капиталистическому пути, мы пойдем и уже идем по совершенно самостоятельному пути, по своей собственной, особой, социалистической дороге. Это становится возможным, раз рабочий класс, поддержанный крестьянством, завоевал и укрепил свою государственную власть.

VI. Столбовой путь к социализму в нашей стране.

Враги рабочего класса и крестьянства доказывали, что всякая попытка осуществить социалистический строй означает на самом деле не что иное, как всеобщее обеднение и «равенство в нищете». Враги рабочего класса, которые в годы нашей гражданской войны душили и мучили нашу страну и тем самым вызывали ее нищету и ее разорение, говорили, что эта нищета и разорение вытекают именно из самой

сущности социализма и коммунизма. Конечно, все это сплошной вздор. Задача нашей партии заключается в том, чтобы поднять на небывалую высоту богатство нашей страны; а затем и всего мира: не богатство отдельных лиц, не богатство отдельных групп миллионеров, частных капиталистов, спекулянтов, банкиров, биржевиков и т. п., а богатство всего народа, всех трудящихся в целом, богатство страны и стран, которые отвоеваны от прежних господствующих классов. Мы должны быть проводниками наилучшей техники, наилучших способов обработки почвы, наилучших методов организации труда; словом, наша роль, наше значение в такое время, когда мы отвоевали власть у капиталистов и помещиков, сводится, в первую очередь, к тому, чтобы быть носителями всяческих хозяйственных улучшений. Что касается промышленности, то эти улучшения сводятся к тому, чтобы строить новые, все более крупные заводы, чтобы переходить на электрическую энергию, чтобы подводить основы электрификации под работу всей промышленности, чтобы вводить более правильную, более планомерную организацию этой промышленности и труда в ней; чтобы все больше и больше итти к такому порядку вещей, когда вся промышленность была бы об'единена общим планом, при котором ничего не пропадает зря, не делается никаких лишних трат и расходов, и при котором поэтому себестоимость производства на производимые продукты становится все меньшей и меньшей. Однако, такого рода плановое хозяйство в промышленности само по себе немыслимо: ведь, наша промышленность работает в огромной степени на крестьянский рынок, потребителями продуктов промышленного производства являются, в первую очередь, наши крестьянские хозяйства. Чтобы был точный план в промышленности, для этого необходимо знать, сколько будут потреблять крестьянские хозяйства, для этого нужно строго учитывать, сколько и каких продуктов будут запрашивать эти крестьянские хозяйства от государственной промышленности. Чтобы промышленность имела все больше и больше возможностей для своего развития, для этого необходимо, чтобы развивалось и само крестьянское хозяйство; а с другой стороны, необходимо также, чтобы это крестьянское хозяйство было само все более и более организованным, было бы таким хозяйством, где отдельные дворы и отдельные ма-

ленькие хозяйства все больше и больше шли бы по пути к взаимной связи друг с другом. Очень часто приходится слышать со стороны крестьян жалобы на то, что они живут хуже рабочих, работают в день больше, не могут и мечтать ни о каком 8-часовом рабочем дне и т. д., и т. п. Но, ведь, не трудно понять, что все это происходит из-за страшной отсталости самого крестьянского хозяйства по сравнению с фабрикой и крупным производством. Крестьянское хозяйство—это то же самое, что в области промышленного производства маленькое хозяйство ремесленника или кустаря: тот тоже сидит в своем маленьком хозяйстве, трудится дни и ночи напролет и, тем не менее, не может выдержать никакого сравнения с крупной фабрикой, на которой есть и лучшие машины, и лучшая организация труда, и лучшее использование топлива, сырья и проч. Таким образом, если крестьянство хочет добиться всерьез и надолго крупных улучшений в своей жизни, оно должно итти по пути к своему об'единению. Само собой разумеется, что нельзя думать, будто можно уговорить, или даже будто следует уговаривать крестьянство сразу переходить всем до одного к об'единению своих земельных наделов. Старые привычки и старые способы хозяйства так в'елись в людей, что переломить круто эти привычки не представляется возможным. И тем не менее, крестьянство, исходя из интересов своего частного хозяйства, отдельного и маленького двора, неизбежно пойдет по пути своего об'единения и тем самым все дружнее будет смыкаться с пролетарской государственной промышленностью. Каким образом можно представить себе это развитие? Это развитие пойдет через кооперацию. Любое крестьянское хозяйство заинтересовано в том, чтобы лучше и выгоднее сбывать продукты своего производства, любое крестьянское хозяйство заинтересовано в том, чтобы возможно выгоднее и дешевле покупать необходимые ему продукты городской промышленности: и по линии так-называемого потребительского спроса (покупка мануфактуры, обуви и тому подобных продуктов непосредственного потребления), и по линии спроса производительного (закупка всевозможных средств производства, как-то: улучшенных семян, сельскохозяйственных орудий и проч.). Точно так же любое частное

крестьянское маленькое хозяйство заинтересовано в том, чтобы иметь в случае нужды возможно более дешовый кредит. И вот это обстоятельство, которое не только не противоречит интересам частного хозяйства, но непосредственно из этих интересов вытекает и этими интересами диктуется, это обстоятельство толкает крестьянство на путь его кооперативного об'единения. Так было решительно повсюду, решительно во всех странах мира. Чтобы выгоднее закупать продукты промышленности или продукты сельского хозяйства других стран (например, лучшие семена или лучшие породы скота и т. д.), крестьянство организовывало закупочные кооперативные общества. Отдельные крестьяне организовывались, совместно создавали кооператив, выбирали правление своего кооператива, вносили паи и получали, таким образом, возможность гораздо более организованным путем покупать необходимые им предметы. Здесь вместо отдельных лиц, действовавших вразброд, на свой страх и риск, выступала уже целая организация, которая имела возможность лучше разузнать, где выгоднее и что выгоднее купить; которой продавец, естественно, доверял больше, чем отдельному лицу, и поэтому готов был итти на известный кредит; так как, с другой стороны, такая организация покупала гораздо больше, чем отдельное лицо, отдельный крестьянин, и так как оптовые цены всегда дешевле, чем цены розничные, то совершенно понятно, что при такого рода кооперативных закупках крестьяне-покупщики сберегали себе изрядное количество грошей; если при этом принять в соображение, что общая перевозка и организованное распределение дают тоже немало выгоды, по сравнению с тем случаем, когда каждый крестьянин отдельно должен запрягать свою кобылу, ехать в город, и каждый отдельно привозить необходимый ему товар, то станет понятным, что и этого рода расходы точно так же во много раз уменьшаются при кооперативных закупках. Таким образом, отдельное крестьянское хозяйство, ни капли не нарушая обычных для него способов ведения хозяйства, в то же самое время, под влиянием своих же собственных, частных, мелко-хозяйских интересов, приходит к созданию общественных организаций, именно—кооперативов по закупкам.

Или возьмем другой случай, а именно продажу продуктов крестьянского производства: про-

дажу молока, яиц, мяса, хлеба и т. д. Если отдельный крестьянин или крестьянка тащится со своей кружкой и ведром вразброд и особо на городской рынок, то это одно; если же крестьяне об'единяются в общий кооператив по сбыту, то они, благодаря лучшему знакомству с запросами рынка, лучшей организации поставки, экономии на всех накладных расходах, транспорте, перевозке, хранении и проч., неизбежно выигрывают и тем самым получают больше дохода, чем в том случае, когда они выступают отдельно и неорганизованно. Общий сбыт продуктов своего производства в некоторых отраслях производства приводит довольно быстро и к организации самого производства. Так, например, почти во всех странах, в том числе и у нас, замечалось и замечается, что крестьяне, имеющие кооперативы по сбыту молока, быстро заинтересовываются в том, чтобы перейти и к совместной продаже через свои кооперативы всевозможного рода молочных продуктов, как-то: сыра, масла и проч. А отсюда один шаг к тому, чтобы перейти к организации общих кооперативных маслобойных заводов или кооперативных сыроварен. Отдельные крестьянские дворы организуют общий маслобойный завод, выписывают и сообща закупают нужные машины—сепараторы и проч. В этот маслобойный завод несут молоко, производимое в их отдельных хозяйствах, и затем получают соответствующую выручку путем организованной кооперативом продажи масла, сыра и т. д. В результате эта выручка, идущая, за известными вычетами на содержание и развитие общего кооператива, в карман частного хозяйства, оказывается неизбежно выше, чем та выручка, которая получается у отдельных, не организованных в кооперативы, производителей. Здесь мы видим, следовательно, такой случай, когда от организации торговли крестьяне переходят уже к организации совместного производства.

Так же обстоит дело, например, и в таких районах, где производится картофель. Там нередко крестьяне приходят к необходимости организовать собственные заводы, занимающиеся переработкой картофеля,—крахмало-терочные заводы. Сходные общие кооперативные предприятия имеются и в других отраслях: например, сушка фруктов и овощей, кооперативное производство вина в районах, где крестьянство занимается возделыванием винограда, про-

37487

изводство консервов из рыбы в тех местностях, где крестьянство занимается по преимуществу рыболовством, и т. д., и т. п.

Наконец, кооперативные организации кредита точно так же ни в малой степени не противоречат интересам частного производителя-крестьянина. Наоборот, кредитные кооперативные товарищества точно так же, как и кооперативы по сбыту и по закупкам, а равно и по организации отдельных производственных отраслей, неизбежно приносят выгоду этим крестьянским хозяйствам; и поэтому совершенно не случайно, что во всех странах крестьянство идет по этому пути.

Однако, есть существенная, прямо-таки гигантская разница между условиями развития сельскохозяйственной кооперации в капиталистических странах, с одной стороны, в нашем Советском Союзе—с другой. При капиталистическом режиме все виды крестьянской кооперации неизбежно подпадают под влияние капиталистического хозяйства. Громадная мощная промышленность находится в руках у буржуазии, могущественная кредитная система, во главе с чрезвычайно сильными банками, принадлежит кучке крупнейших капиталистов, транспорт, железные дороги находятся точно так же в руках либо частных капиталистов, либо буржуазного государства. Весь город, по сути дела, находится в распоряжении буржуазии; его влияние на деревню, в которой, кроме того, командуют помещичье-капиталистические верхушки, владельцы огромных имений,—это влияние является решающим. Кооперативные организации при таком положении вещей, если они развиваются, неизбежно подпадают под хозяйственное руководство буржуазии и помещиков, постепенно срастаются с хозяйственными организациями этих капиталистов и помещиков и в значительнейшей мере сами превращаются в особого рода капиталистические организации, опирающиеся на использование и эксплоатацию наемного труда. В самом деле, предположим, что у сельскохозяйственной кооперации, все равно какой, имеется свободный капитал, который неизбежно образуется, если только эта кооперация развивается, а не чахнет. Само собой понятно, что в целом ряде случаев—и чем дальше, тем больше—этот свободный капитал

вкладывается непосредственно или косвенно в различного рода банковые учреждения (или в частные банки, или в государственный банк, который находится в распоряжении буржуазного государства). В этом случае получается «сращивание» между кооперативной организацией и буржуазным банком. Кооперация попадает в несомненную зависимость от этого банка и через такого рода экономическую смычку подчиняется хозяйственному (а в силу этого, политическому) руководству со стороны буржуазии. Если мы имеем перед собою закупочные кооперативы, то этим кооперативам приходится иметь дело с буржуазными синдикатами и трестами, т.-е. с организациями крупных заводчиков и фабрикантов. И здесь неизбежно получается, таким образом, экономическая смычка и экономическая зависимость от организаций крупного капитала, которые связываются с кооперативами целой сетью взаимных договоров относительно поставок, кредитных обязательств и т. п.

Точно так же обстоит дело, если речь идет о кредитных товариществах, которые еще более тесно связываются с буржуазными банками и попадают в непосредственную от них зависимость. Таким образом, общие условия развития кооперации в пределах капиталистического строя, даже в том случае, если кооперативные организации являются организациями неэксплоататорских слоев крестьянства, т.-е. не кулацкими организациями, а организациями трудового крестьянства,—даже в этом случае эти кооперативы неизбежно, самым ходом вещей, в силу общих условий своего развития, в силу того, что они вынуждены работать в тех рамках, которые ставит им господство капиталистического строя, превращаются в органы громадной хозяйственной машины капиталистического порядка, частями которой они необходимо становятся. Кооперативные организации, таким образом, врастают в обще-капиталистический механизм, становятся его составной частью, растут с ним, сами превращаются в своего рода капиталистические предприятия.

Наконец, огромнейшее значение имеет то обстоятельство, что в условиях капиталистического строя, где вся наука, вся техника, все образование, вся школа и вся пресса (печать)

находятся в распоряжении буржуазии, кадровый состав кооперативов (члены правлений, руководящие и командующие люди, советчики, агрономы, счетоводы и т. д.) происходит обычно из буржуазных слоев. Поэтому они в кооперативах гнут такую линию, которая выгодна для господствующей буржуазии, линию, которая всячески замазывает противоположность интересов между трудом и капиталом, между крестьянами и помещиками. Нередко можно видеть в Западной Европе и Америке, что во главе кооперативных крестьянских организаций стоят даже крупные помещики, попы и преданные им не за страх, а за совесть различного рода их агенты.

Если какая-нибудь кооперативная организация пожелала бы вести свою особую, самостоятельную, против капитализма направленную, политику, то она неизбежно была бы тем самым обречена на гибель, она подверглась бы своеобразному хозяйственному бойкоту со стороны мощных капиталистических организаций: она не получала бы кредита или получала бы его на худших условиях, чем другая кооперативная организация, настроенная верноподданически по отношению к капитализму; она не могла бы нигде покупать необходимые ей продукты промышленности на таких же условиях, как другие кооперативы, и т. д.

Все эти причины определяют собою путь развития крестьянской кооперации в условиях капиталистического хозяйства.

Совсем другие условия имеются налицо при нашем строе, т.-е. при строе пролетарской диктатуры. Общие рамки кооперативного развития определяются у нас не тем, что фабрики, заводы, рудники, железные дороги и банки находятся в руках у буржуазии, а тем, что вся крупная промышленность, транспорт и кредитная система находятся в распоряжении пролетарского государства. Следовательно, если у нас, при общем развитии производительных сил в нашей стране, город все в большей степени будет становиться хозяйственным руководителем деревни и все в большей степени будет налаживать экономическую смычку, то, если будет крепнуть наше государственное хозяйство, это будет означать растущую смычку пролетариата с крестьян-

ством. Крестьянская кооперация будет неизбежно врастать в систему пролетарских хозяйственных органов, точно так же, как в условиях режима буржуазного она врастает в систему органов хозяйства капиталистического. Если при капиталистическом режиме всякая кооперативная организация, которая захотела бы стать на путь развития, противоречащий капитализму, постепенно душилась кредитными и другими хозяйственными учреждениями буржуазии, то в условиях пролетарской диктатуры, наоборот, будут пользоваться всемерной поддержкой именно трудовые кооперативы, кооперативы середняков и бедноты, которые будут получать льготы по сравнению с кооперативами кулаков и деревенских богатеев, т.-е. сельскохозяйственной буржуазии. Наконец, кадровый состав кооперации, кооперативные работники, кооперативные служащие и руководители всех видов, при пролетарской диктатуре образовываются не буржуазией, а специально обучаются и готовятся, в соответствующих учебных заведениях и на практике, таким образом, чтобы все лучше и лучше вести работу, необходимую с точки зрения строительства нового общества, а не с точки зрения служения крупному капиталу. Здесь видна вся громадная разница между условиями развития деревни при господстве капитализма и условиями развития этой деревни при господстве пролетарской диктатуры. Нельзя себе представлять, что развитие при нашем строе будет таким же, как и при строе капиталистическом. Власть Советов, диктатура рабочего класса вовсе не есть только политическая власть, и наше государство отличается от буржуазного государства не только тем, что оно находится в распоряжении другого класса, но также и тем, что оно держит в своих руках всю крупную промышленность и транспорт и поэтому является громаднейшей, мощной экономической, хозяйственной силой, силой, которая накладывает свой отпечаток на все развитие страны в целом, и в том числе на все развитие деревенских отношений.

Если крестьянские кооперативы будут, в общем и целом, врастать в систему хозяйственных органов пролетарского государства, это будет означать хозяйственное руководство со стороны пролетариата, это будет означать укрепление союза рабочих и крестьян, это будет означать, что мы идем крупными шагами по пути к социализму.

В самом деле, при общем под'еме народного хозяйства, у нас будет расти все больше и больше государственная промышленность, которая все теснее и теснее, через кооперацию, будет срастаться с крестьянским хозяйством. Само крестьянское хозяйство будет, незаметно для себя и все время с выгодой для себя, постепенно и медленно переделываться и перерабатываться. Прежде распыленные и раздробленные, ничем хозяйственно между собой не связанные, крестьянские дворы все больше и больше будут об'единяться между собою на почве закупок, продажи и кредита, смыкаясь на этом деле с хозяйственными органами пролетарского государства. С другой стороны, от общественных закупок и общественных продаж, от общих организаций кредита крестьяне будут постепенно переходить к организации своих кооперативных маслобойных заводов и вообще заводов и фабрик по переработке продуктов земледельческого хозяйства и животноводства.

Этот процесс организации будет итти все дальше и глубже, по мере того, как крестьянство на собственном опыте будет все больше и больше убеждаться в выгодности перехода к коллективным формам труда. Через совместную закупку машин крестьяне будут переходить и к коллективному использованию их. Отрасль за отраслью крестьянское хозяйство будет, таким образом, подобно маслобойным заводам, организовываться уже на новых началах. Вместе с этим развитие крупной городской промышленности и возрастающее накопление материальных средств государственного хозяйства дадут возможность усиленной электрификации сельского хозяйства. Подача электрической энергии целому ряду крестьянских хозяйств окажет, в свою очередь, еще более мощный толчок к переходу на коллективные формы обработки самой земли, потому что с переходом на электрическую энергию будет становиться уже совсем ясным вся выгода коллективных форм использования этой электрической энергии. Ибо на долю каждого крестьянского двора, на долю каждого отдельного крестьянского хозяйства будет падать гораздо меньшее количество расходов, если трата электрической энергии будет производиться не отдельным крестьянским двором, а целыми об'единениями этих дворов. Таким образом, процесс организации крестьянского хозяйства, который начнется с кооперативной организации тор-

говли, перекидывается постепенно, через организацию производства по переработке продуктов крестьянского хозяйства, и на сельскохозяйственное производство в прямом смысле этого слова. С переходом на электрификацию этот процесс получает свое наиболее полное завершение. Так растет все более и более становящаяся организованной система крестьянских хозяйств, которые из отдельных и распыленных единиц превращаются в одно организованное целое. Крестьянские хозяйства постепенно переделывают свою собственную природу, смыкаются вместе и срастаются в одно, еще более громадное целое с государственной промышленностью. А такого рода хозяйственная цепь, которая организована во всех своих частях, по сути дела и есть социализм.

Таким путем мы приходим к социализму, несмотря на хозяйственную и техническую отсталость, которой теперь отличается еще наша страна. Конечно, этот путь в условиях технической и экономической отсталости есть путь очень долгий. Но, тем не менее, это есть верный путь, путь, по которому мы придем к социализму, если только будем вести правильную политику по отношению к крестьянству.

VII. Промышленность и сельское хозяйство должны взаимно помогать друг-другу.

Общий под'ем нашего народного хозяйства, под'ем промышленности, с одной стороны, и под'ем крестьянского хозяйства—с другой, означают одну из величайших побед, которую сделала наша революция. Но в то же самое время этот хозяйственный рост сопровождается особого рода «болезнями» роста, т.-е. скрывает в себе некоторые своеобразные противоречия, которые могут быть опасны, если наиболее сознательная часть трудящихся, авангард рабочего класса—наша партия, не сумеет их во-время разглядеть и достаточно ясно об'яснить их широким слоям трудящихся. Дело в том, что уже прошло время, когда крестьянин ясно помнил и постоянно имел в уме, что рабочий класс и его партия дали ему помещичью землю и помогли смести с лица нашей страны весь помещичий класс в целом. С переходом на мирную хозяйственную работу и с началом под'ема крестьянского хозяйства, равно и государственной индустрии, крестьянское хозяйство все больше и больше становится хозяйством то-

варным, т.-е. производит все возрастающую часть своей продукции для сбыта на продажу. Чем больше крестьянское хозяйство вылезает из нищеты, тем большая часть всего того, что производится внутри этого хозяйства, идет на рынок, выменивается на деньги, а на эти деньги, в свою очередь, происходит покупка других товаров, которые в крестьянском хозяйстве не производятся, но которые ему нужны. Эти продукты идут, в первую очередь, со стороны нашей государственной промышленности. Таким образом, крестьянин сталкивается на рынке с государственной промышленностью, находящейся в руках рабочего класса. При этом, если речь идет о продуктах сельского хозяйства, выступает как продавец, а городское население, и в первую очередь рабочий класс, выступает как покупатель. Если же речь идет о продуктах государственной промышленности, то рабочий класс, организованный в государственную власть, выступает в качестве продавца, тогда как крестьянин выступает здесь в качестве покупателя. Но, как известно, интересы покупателя и продавца на рынке противоположны: покупатель заинтересован в том, чтобы купить товар возможно более дешево, тогда как продавец непосредственно заинтересован в том, чтобы продать свой товар по более высокой цене. Чем больше развивается хозяйство в данный период, т.-е. до осуществления единого организованного хозяйства и крестьянских дворов, и государственных фабрик, тем все более существенным вопросом становится вопрос о ценах: о ценах на продукты сельского хозяйства, с одной стороны, о ценах на продукты государственной промышленности—с другой. Мы видим, таким образом, что здесь налицо имеется непосредственное противоречие интересов у рабочего класса с крестьянством. Это противоречие неизбежно порождает трения между обоими основными трудящимися классами нашей страны, трения, которые представляют известного рода опасность для рабоче-крестьянского блока.

В чем здесь, однако, дело? Есть ли противоречие интересов между рабочим классом и крестьянством—неразрешимое противоречие? И не скрываются ли за этим противоречием в то же самое время какие-нибудь более коренные интересы, общие у рабочего класса с крестьянством? Мы уже видели: основной и самый общий интерес

обоих классов лежит в их совместном движении к социализму, что невозможно без упрочения союза рабочих и крестьян и без руководящей роли рабочего класса в этом союзе. Но этот основной и самый коренной интерес рабочего класса и крестьянства находит свое выражение в необходимости взаимной помощи со стороны промышленности и сельского хозяйства, которые в самой основе своей зависят друг от друга. Наша промышленность работает, как мы уже об этом говорили, прежде и раньше всего на крестьянский рынок. Она и раньше в своем развитии зависела от этого рынка, но в условиях пролетарской диктатуры она неизбежно зависит от этого рынка в еще большей степени, чем при старом режиме: во-первых, у нас отпадает внешний рынок, потому что мы не ведем той грабительской политики, политики захвата новых областей, которую вел царизм; во-вторых, у нас отпадают заказы на флот, военно-морские сооружения и целый ряд громадных военных заказов вообще, ибо мы неизмеримо в меньшей степени тратим на наши военные нужды, так как ограничиваемся лишь одной обороной страны, ни в коем случае не имея каких бы то ни было завоевательных целей; отсюда необходимость переоборудования ряда заводов и перевода их с производства военных предметов на производство предметов мирных, необходимых для сельскохозяйственного труда—в первую очередь: сельскохозяйственных орудий и сельскохозяйственного инвентаря; в-третьих, политическая необходимость укрепления диктатуры пролетариата и укрепления влияния рабочего класса на крестьянство диктует нам точно так же гораздо большее внимание к крестьянскому рынку.

Наша промышленность, таким образом, зависит в своем развитии от крестьянского хозяйства. Наша промышленность развивается тем быстрее, чем больше платежеспособный спрос со стороны крестьянства. Накопление в нашей промышленности идет тем быстрее, чем быстрее идет накопление в нашем крестьянском хозяйстве, т.-е. чем скорее это крестьянское хозяйство выходит из нищеты, чем больше оно богатеет, чем больше покупает оно сельскохозяйственных орудий и машин, чем скорее улучшает оно свою технику, чем быстрее перехо-

дит на новую форму обработки земли, и чем больше поэтому становится в состоянии покупать у городской промышленности. В свою очередь, развитие крестьянского хозяйства немыслимо без развития городской промышленности. Для того, чтобы итти вперед, сельское хозяйство нуждается в продуктах, которые в нем не производятся, а идут из различных отраслей нашей промышленности. Если бы в один прекрасный день кончилась жизнь нашей промышленности, тогда сельское хозяйство было бы обречено на жалкое прозябание, оно должно было бы ограничиться самыми примитивными, самыми первобытными способами обработки земли; в лучшем случае оно должно было бы вечно топтаться на месте и не в состоянии было бы сделать ни одного сколько бы то ни было заметного шага вперед. И наоборот, если развивается промышленность (металлическая, с выделкой сельскохозяйственных машин; химическая, с изготовлением разного рода удобрений и т. д.), то сельское хозяйство начинает иметь в этой промышленности своего могучего помощника и свою опору, которая сможет, в конце-концов, перевернуть старые способы обработки земли и быстро двинуть вперед дело развития производительных сил всего сельского хозяйства. Таким образом, промышленность нуждается для своего развития в успехах сельского хозяйства и наоборот, сельское хозяйство для своих успехов нуждается в развитии промышленности. Эта взаимная зависимость друг от друга есть самое коренное, что должно определять собою правильную политику со стороны руководящей партии, обязанность которой, в первую очередь, состоит в том, чтобы частные и преходящие, моментальные и временные, второстепенные и производные интересы подчинять интересам постоянным, наиболее общим, наиболее коренным и основным.

Мы должны в настоящее время помнить, что наша политика должна быть рассчитана не на один год, а на целый ряд лет. В настоящее время наша забота состоит не в том, чтобы как-нибудь удержаться у власти (ибо в настоящее время Советская власть твердо и прочно стоит на ногах): нам нужно думать о том, чтобы проводить политический план, рассчитанный на долгие-долгие годы. Если бы речь шла лишь о том, чтобы разделить между

рабочим классом и крестьянством ту сумму национального дохода, которая получается в результате годового труда в нашей стране, и если бы речь шла только об этом и не шла бы ни о чем другом, то тогда, разумеется, нелепо было бы говорить рабочему классу: «не бери слишком много», или уговаривать крестьянство, чтобы оно занималось самоограничением: при таком положении вещей, конечно, каждый из классов неизбежно руководствовался бы своим непосредственным интересом и стремился бы забрать себе возможно бóльшую долю из совокупного национального дохода, т.-е. из всего дохода страны.

Однако, мы живем и надеемся жить вовсе не один год; мы надеемся жить долгие-долгие годы, мы надеемся итти все время вперед по пути к социализму. И поэтому задача, стоящая перед нами, задача, стоящая перед обоими классами, вовсе не так проста, как в только-что приведенном случае. Если бы эта задача состояла только в дележе раз и навсегда данного дохода, общего дохода страны, который неизменен, который раз и навсегда определен, который представляет некоторую неизменяющуюся, постоянную, величину, тогда, конечно, невозможно было бы никакое быстрое развитие, мы постоянно топтались бы на одном месте. Но, ведь, не в этом дело. Дело заключается в том, чтобы постоянно повышать общий национальный доход, постоянно увеличивать и увеличивать количество и ценность товаров, ежегодно производимых в нашей стране, и следовательно, увеличивать национальный доход, весь доход всего общества в целом.

Если увеличивается общая сумма национального дохода, то тогда есть из чего производить и дележку; если из года в год эта сумма национального дохода постоянно увеличивается и растет, то тогда ежегодно и на долю рабочего класса, и на долю крестьянства будет приходиться все бóльшая и бóльшая сумма ценностей, и материальное положение обоих классов будет быстро улучшаться. Поэтому и с точки зрения рабочего класса, и с точки зрения коренных интересов крестьянства, развивающего свое хозяйство в условиях Советской власти, необходимо

вести такую политику, которая обеспечивала бы в первую голову и в первую очередь развитие производительных сил государственной промышленности и крестьянского хозяйства, а следовательно, из года в год все быстрее идущее возрастание национального дохода.

С этой точки зрения нужно обсуждать все вопросы нашей экономической политики, и с этой точки зрения необходимо точно так же обсуждать и вопрос о политике цен. Предположим, что какая-нибудь группа рабочих говорит нам: «У нас, рабочих, в руках крупная промышленность, мы вольны ставить высокие цены, давайте их ставить, чтобы получить возможно больше прибыли для нашей промышленности; если эта промышленность будет получать бóльшую прибыль, то она будет в состоянии больше платить рабочему, и поэтому в наших интересах политика высоких цен на продукцию нашей промышленности; всякое отступление от такой политики означало бы не что иное, как уступку мелкой буржуазии, означало бы отступление от чистопролетарской линии».

Было бы правильным такое мнение? Конечно, оно было бы неправильным, а предполагаемая политика была бы вовсе не пролетарской политикой, а была бы политикой цеховой, ограниченной, тупой, не видящей дальше своего носа, т. е. попросту была бы глупой политикой. Эта политика предполагала бы непонимание основной связи между государственной промышленностью и сельским крестьянским хозяйством, она неизбежно привела бы к тому, что сама государственная промышленность через короткий срок остановилась бы в своем развитии, натолкнувшись на слабую покупательную силу со стороны крестьянского рынка. Можно было бы при такой политике получать, быть-может, довольно высокую прибыль в ближайшие годы за счет подрыва крестьянского хозяйства, но эта политика жестоко отомстила бы за себя через небольшой промежуток времени. Государственная промышленность неизбежно лишилась бы рынка сбыта, который в таких условиях был бы обречен на резкое сокращение, и, вместо дальнейшего развития и непрерывного поступательного хода промышленности, настал бы жестокий кризис, который отбросил бы эту

промышленность далеко назад. В случае продолжения такой политики мы имели бы хронический промышленный застой, и если не попятное движение, то, во всяком случае, бессмысленное топтание на месте.

Предположим, с другой стороны, что известные широкие слои крестьянства смогли бы проводить на деле такую политику, которая путем чрезвычайно высокой цены на хлеб и сырье) подрезала бы возможности дальнейшего развития промышленности. Тогда, при таких условиях, взявши довольно много за один хозяйственный год, сельское хозяйство через некоторый промежуток времени стало бы страдать от невозможности восстановления своего сельскохозяйственного инвентаря, не говоря уже о том, чтобы переходить к дальнейшему улучшению способов ведения своего хозяйства. Таким образом, и здесь близорукая, ограниченная, не видящая связи между городом и деревней, политика неизбежно привела бы к падению национального дохода и тем самым к ухудшению материального положения обоих основных классов нашего советского общества.

Отсюда вытекает, что противоречие между рабочим классом и крестьянством, о котором мы говорили выше, является противоречием сравнительно второстепенного порядка, и что с точки зрения правильно понятых интересов и рабочего класса, и крестьянства необходимо вести такую политику, которая давала бы простор наиболее полному развитию производительных сил. Рабочий класс с точки зрения своих собственных интересов должен прилагать все усилия к тому, чтобы возможно быстрее налаживать свое производство, возможно дешевле производить продукты государственной промышленности и возможно дешевле продавать эти продукты, выигрывая, с одной стороны, на все большей массе продаваемых продуктов, а с другой стороны, обеспечивая каждый год все большее и большее расширение всего народного хозяйства.

Совершенно нельзя смешивать положение рабочего класса, стоящего у власти, с положением рабочего класса, который только еще борется за эту власть. Когда рабочий класс только борется за свою власть, не его забота—забота о всем народном хозяйстве в целом, не его забота о росте национального дохода, не его забота о

цельности всего общества. Наоборот, основной и коренной его интерес заключается в том, чтобы разломать, разбить, разрушить капиталистическое общество. Когда же рабочий класс является классом, стоящим у власти, он становится руководителем всего общества в целом, забота о росте национального дохода есть его собственная забота, забота о развитии производительных сил есть точно так же его собственная забота, интересы развития народного хозяйства точно так же суть его собственные интересы. Это нужно понять, и из этого нужно исходить при определении нашей политики. Мы видим, таким образом, что взаимно связанные промышленность и сельское хозяйство есть основной факт, из которого нужно исходить, а необходимость взаимной помощи промышленности и сельского хозяйства есть основное условие для прочности рабоче-крестьянского блока, без которого немыслимо движение к социализму.

VIII. Рост кооперации и классовая борьба в деревне.

Когда мы говорим, что в условиях пролетарской диктатуры рост кооперации означает, по сути дела, рост социализма, это вовсе не означает еще, что весь этот процесс будет проходить совершенно гладко, без внутренних трений. Наоборот, можно сказать, что ход развития через кооперацию к социализму будет сопровождаться, в особенности первое время, т.-е. до тех пор, пока государственная промышленность не в состоянии будет подвести фундамента электрификации под все сельское хозяйство, классовой борьбой между различными группами и различными слоями крестьянства, которые, со своей стороны, будут находиться в разных отношениях с рабочим классом. Сейчас у нас, как мы уже об этом говорили раньше, имеется налицо целый ряд слоев в крестьянстве, неодинаковых по своему социальному положению. Эти разные слои крестьянства, несомненно, будут по-разному строить кооперацию и в ходе кооперативного строительства будут бороться между собою за влияние. Уже самые задачи и цели, которые ставят себе кооперативные организации, несколько разнятся в зависимости от того, какой слой крестьянства имеется в виду. Если, например, мы говорим о крестьянской бедноте, о безлошадных, которые не в состоянии справиться со своими надела-

ми, у которых нет инвентаря и самых элементарных средств производства, то нам будет совершенно ясно, что эти слои крестьянства должны неизбежно тяготеть к разного рода коллективным хозяйствам (колхозам) в непосредственном смысле этого слова. Организовывать теперь же товарищества по сбыту своих продуктов им невозможно, потому что, по сути дела, им и сбывать-то почти нечего; они должны пройти еще через такую полосу своего развития, когда они будут становиться на ноги и мало-мальски поднимать производство, чтобы потом перейти уже к сбыту все большей части своей продукции на рынок. Пока они не достигли такой ступени своего развития, т.-е. пока они еще переживают время отчаяной нужды, самым важным для них является общая закупка инвентаря, рабочего скота, машин и совместное использование этого скота и этих машин на коллективных началах. Поэтому колхозы являются естественной формой организации бедняцких хозяйств. Однако, нужно сказать, что непосредственный переход к такого рода хозяйству требует очень крупной ломки старых привычек, унаследованных от дедов и отцов, и поэтому вряд ли можно думать, что колхозное движение захватит собою всю широкую массу крестьянской бедноты. Середняцкие хозяйства, поднимаясь и становясь все более и более прочно на ноги, будут, конечно, организовываться в сельскохозяйственную кооперацию по всем трем основным линиям, о которых мы писали выше: и по линии закупок, и по линии сбыта, и по линии кредита. Основной массой, основным ядром крестьянства, является, в первую очередь, крестьянин-середняк. Поэтому основной формой кооперации является точно так же сельскохозяйственная кооперация соответствующего вида. Зажиточные и крупные крестьяне равным образом будут стремиться создавать свои кооперативные организации, в том числе и кредитные, и будут стараться делать эти организации своими опорными пунктами. Так как классовая борьба в деревне начнет отмирать еще только через очень значительный промежуток времени, так как в ближайшем будущем мы будем иметь перед собою процесс расслоения крестьянства, т.-е. выделение его зажиточной верхушки, с одной стороны, и сельскохозяйственных пролетариев и полупролетариев—с другой, то совершенно очевидно, что будет итти классовая борьба и

Аграрно
институт

между различными ячейками обще-кооперативной организации, и внутри одних и тех же кооперативов: вопрос о выборах правления, о выборах должностных лиц, о паях и об их величине, об уставе кооперативных организаций, о политике, которую должно вести правление, и т. д., и т. п.; на всех этих отдельных вопросах будут развиваться целые («мирные», конечно) сражения между различными слоями крестьянства.

Таким образом, картина будет представляться довольно пестрой. В общей сети кооперативных организаций мы будем иметь и кулацкие ячейки, быть-может, иногда и чисто-кулацкие, и бедняцкие, и середняцкие, и ячейки смешанного типа. Однако, в этой картине будет все же известный основной фон. Ведь, нужно иметь в виду, что, несмотря на процесс расслоения крестьянства, все же будет сохраняться его основное ядро, а именно крестьянин-середняк, эта, как выражался тов. Ленин, «центральная фигура нашего земледелия». Если даже в условиях капитализма, при капиталистическом городе и при диктатуре буржуазии, сохраняется все же относительно довольно устойчиво слой средних крестьян, то в условиях рабочей диктатуры крестьянство будет разлагаться нисколько не более быстро, а, наоборот, более медленно. С другой стороны, по мере того, как государственная власть будет все больше и больше оказываться в состоянии подавать руку материальной помощи крестьянской бедноте и середняку, мы будем иметь новый поворот к поравнению, но уже на совершенно иных основаниях, чем раньше. Раньше мы в той или иной форме отнимали у зажиточных, у кулаков, и отдавали отнятое беднякам, т.-е. зажиточных делали более бедными, и таким образом достигали, как это было, например, во время комбедов, известного поравнения. Теперь же будет другое, а именно: все быстрее и быстрее будет вылезать из нищеты крестьянин-середняк и бедняк при помощи своих кооперативных организаций, пользующихся особым покровительством, особыми льготами, особой поддержкой, материальной и всякой иной, со стороны государственной власти рабочего класса.

Чем больше будет двигаться вперед все народное хозяйство в целом, и чем быстрее будет расти наша государственная промышленность, тем все более мощной будет поддерж-

ка именно этих слоев крестьянства, которые будут по уровню своей жизни догонять зажиточную деревенскую верхушку, но которые в то же самое время будут расти не за счет эксплоатации, не за счет чужого труда, а в силу улучшенных способов ведения своего хозяйства и об'единения усилий ряда крестьянских дворов через кооперативную организацию, которые будут, следовательно, переходить ко все более и более коллективной форме хозяйствования. Таким образом, основная сеть наших кооперативных крестьянских организаций будет состоять из кооперативных ячеек не кулацкого, а «трудового» типа, ячеек, врастающих в систему наших обще-государственных органов и становящихся таким путем звеньями единой цепи социалистического хозяйства. С другой стороны, кулацкие кооперативные гнезда будут точно так же, через банки и т. д., врастать в эту же систему; но они будут до известной степени чужеродным телом, подобно, например, концессионным предприятиям. Что будет с этого рода кулацкими кооперациями в дальнейшем? Предположим, например, что у нас есть кредитное товарищество, во главе которого стоят кулаки, пользующиеся там всем авторитетом. Этот кулацкий кооператив, если он хочет процветать, неизбежно должен быть, так же как и все прочие, связан с экономическими государственными органами; он, например, будет вносить свою свободную наличность в наши банки для того, чтобы получать определенный процент; даже в том случае, если бы возникли свои собственные банковские организации у подобного рода кооперативов, все равно они неминуемо должны были бы быть связанными с могущественными кредитными учреждениями пролетарского государства, имеющими в своем распоряжении основные кредитные средства страны. Кулаку и кулацким организациям все равно некуда будет податься, ибо общие рамки развития в нашей стране заранее даны строем пролетарской диктатуры и уже в значительной степени выросшей мощью хозяйственных организаций этой диктатуры. Если кулак является волей-неволей вкладчиком в наши банки, если он волей-неволей начинает быть связанным целым рядом отношений с нашими хозяйственными органами, то он неизбежно будет втиснут в определенные границы. Конечно,

можно, вообще говоря, было бы представить себе такое положение вещей, когда кулацкое хозяйство нарастало бы со страшной стремительностью, когда накопление в этих хозяйствах шло бы гораздо быстрее, чем во всей государственной промышленности, и когда кулак, таким образом, перерос бы всю остальную экономику и, сомкнувшись с частным торговым капиталом, опрокинул бы весь строй—и экономический, и политический—пролетарской диктатуры. Но это предположение является совершенно невероятным. Ибо предположить, что кулацкие хозяйства будут расти быстрее, чем вся государственная промышленность,—это означало бы предположить нечто, прямо противоположное действительности. При развитии нашего народного хозяйства в целом быстрее всего будет развиваться ставшая уже на ноги крупная промышленность, которая находится целиком в руках пролетарского государства. Этот рост будет определять собою всё и будет служить достаточной гарантией того, что кулак, или зажиточный крестьянин, нанимающий нескольких сельскохозяйственных рабочих, должен будет подчиняться нашему общему строю.

Пролетарское государство, которое заинтересовано в росте «некапиталистических», т.-е. социалистических, форм хозяйства, само собою разумеется, не может относиться одинаково к кооперативам трудовым и к кооперативам кулацкого типа; оно будет, как мы уже упоминали выше, всемерно поддерживать кооперативы бедноты и середняков. В этом, между прочим, будет выражаться классовая борьба, классовая помощь пролетариата наиболее близким к нему слоям в борьбе этих слоев против кулаков или сельскохозяйственной буржуазии.

IX. Строительство социализма и формы классовой борьбы.

В нашей стране в настоящее время имеются три класса, из которых два класса—рабочие и крестьяне—являются основными классами нашего общества и нашего строя, а третий класс—буржуазия (кулаки, нэпманы и т. д.)—существует лишь постольку, поскольку он «допущен» до известной степени и на определенных условиях «к сотрудничеству» с рабочим классом и крестьянством. Мы видели выше,

что из того положения, которое занимает теперь рабочий класс, как класс господствующий, вытекает целый ряд основных выводов для политики рабочего государства. Основной и главный вывод, как мы об этом уже говорили, заключается в следующем: в то время как при капиталистическом строе задачей рабочего класса являлось разрушение общества, в условиях пролетарской диктатуры задачей рабочего класса является не разрушение строя пролетарской диктатуры и нового создаваемого общества, а, наоборот, его всемерная поддержка, укрепление его, руководство им. Из этого, в свою очередь, неизбежно следуют и другие выводы, а именно выводы, касающиеся самой формы классовой борьбы в нашем обществе. Классовая борьба, как мы отлично знаем, не прекращается и не отмирает сразу, а будет продолжаться очень и очень долгое время, пока не исчезнет навсегда деление на классы вообще. Но уже теперь мы видим, как неизбежно меняются вопрос о главном пути классовой борьбы и вопрос о формах этой борьбы. В капиталистическом обществе, где дело пролетариата заключается в том, чтобы разрушить это общество, постоянной задачей является всемерное обострение и разжигание классовой борьбы до тех пор, пока эта классовая борьба не примет самой ожесточенной своей формы, а именно формы гражданской войны и вооруженной борьбы со стороны трудящихся масс против господствующего капиталистического режима. В этой борьбе старое общество лопается сверху донизу, и положение классов, в конце-концов, делается совершенно иным: так-называемые «низшие», угнетенные классы становятся наверху, эксплоататоры становятся классом, сопротивление которого подавляется и которому приходится, после своего разгрома, подчиниться новой власти, власти пришедших с низов классов. Итак, в капиталистическом строе задача рабочего класса—вести линию на обострение классовой борьбы, на превращение ее в гражданскую войну. Партия рабочего класса в пределах капиталистического строя является партией гражданской войны. Положение совершенно перевертывается, когда рабочий класс берет власть в свои руки, опираясь при этом на широкие слои крестьянства. Поскольку диктатура буржуа-

зии разбита, и поскольку на ее место уже стала диктатура пролетариата, постольку задачей рабочего класса является укрепление этой диктатуры и защита ее от всяких на нее посягательств. Партия рабочего класса в таких условиях становится партией гражданского мира, т.-е. требует подчинения рабочему классу со стороны прежде господствующих классов, слоев и групп; она требует от них гражданского мира, и рабочий класс карает и преследует теперь всех нарушителей этого гражданского мира, всех заговорщиков, саботажников,—словом, всех, кто мешает делу мирного строительства нового общества.

В своем собственном государстве рабочий класс, после того, как он отбил все нападения врагов и обеспечил мирную строительную работу, уже не проповедует внутри страны гражданской войны, а проповедует внутреннее замирение на основах признания полностью новой власти, ее законов, ее учреждений и на основании подчинения этим законам и этим учреждениям со стороны всех слоев, в том числе и бывших противников этой власти. В соответствии с этим появляется и изменение в самих формах классовой борьбы. Поясним это рядом примеров. Возьмем, прежде всего, отношение к буржуазии. В пределах капиталистического строя по отношению к ней мы проповедывали развитие борьбы вплоть до применения вооруженной силы. Конечно, если бы буржуазия пыталась и теперь выступать против нас с оружием в руках, как она это делала в 1917, 1918, 1919 и т. д. годах, то мы тотчас же пустили бы в ход нашу вооруженную силу и расправились бы с таким противником так, как он этого заслуживал бы. Но сейчас у нас совершенно другое положение. Сила Советской власти и прочность ее настолько очевидны, что для буржуазных слоев нашего общества (нэпманов) совершенно очевидна полная безнадежность всяких попыток повести против нового строя активную и острую политическую борьбу. Этим слоям волей-неволей приходится мириться с существующим порядком вещей. В определенных рамках этой буржуазии разрешена хозяйственная деятельность. Мы вовсе не запрещаем теперь частную торговлю, мы допускаем ряд частных предприятий, мы не запечатываем уже частных лавок, мы даем, следовательно, известную возможность существования для этих кругов. Значит ли это, что прекращается

классовая борьба? Нет, никоим образом. Но эта борьба существеннейше изменила свою форму. Со стороны рабочего класса она продолжает вестись: наше законодательство, гарантирующее рабочее дело, обеспечивающее определенные права за профессиональными союзами, заставляющее платить частного предпринимателя страховые взносы, лишающее эти предпринимательские круги избирательных прав в политические органы власти и т. д.—это есть новая форма классовой борьбы. Система налогового обложения, при которой соответствующим образом облагаются доходы и прибыли капиталистических предприятий, это налоговое обложение буржуазии, такое, какого нет ни в одной стране,—это точно так же новая форма классовой борьбы. Конкуренция со стороны государственной промышленности, государственной торговли, кооперации—это есть опять-таки новая форма классовой борьбы. Когда наше государство дает особые льготы и преимущества кооперативным предприятиям, когда это государство особо финансирует, т.-е. поддерживает денежными средствами, кооперативные организации, когда оно в законодательном порядке обеспечивает за ними бо́льшие права,—все это есть новая форма классовой борьбы. Если в процессе конкуренции на рынке государственная промышленность, торговля, кооперация вытесняют постепенно частного предпринимателя,—это есть победа в классовой борьбе, но победа не в механическом столкновении сил, не при помощи вооруженной схватки, а совершенно в новой оболочке, которой не было раньше, которая при капиталистическом режиме была совершенно немыслимой для рабочего класса и крестьянства.

Точно так же меняется форма классовой борьбы и в деревне. Правда, то тут, то там классовая борьба в деревне вспыхивает в прежних своих проявлениях, при чем это обострение вызывается обычно кулацкими элементами. Когда, например, кулаки или наживающиеся за чужой счет и пролезшие в органы Советской власти люди начинают стрелять по селькорам, это есть проявление классовой борьбы в самой острой форме. Однако, такие случаи бывают обычно там, где еще советский местный аппарат является слабым. По мере улучшения этого аппарата, по мере укрепления всех низовых ячеек Советской власти, по мере улучшения и усиления местных деревенских партийных и комсо-

мольских организаций, такого рода явления будут, как это совершенно очевидно, становиться все более редкими и в конце-концов бесследно исчезнут. Еще всего несколько лет тому назад главной формой классовой борьбы внутри деревни был непосредственный административный нажим на деревенскую верхушку: вначале постоянные конфискации и реквизиции у более зажиточного крестьянства и передача этого конфискованного добра в пользу бедноты (время комбедов); затем, по сути дела, система постоянных и произвольных нажимов, которые чрезвычайно затрудняли, а иногда и делали совершенно невозможным хозяйственное продвижение вперед и соответствующую деятельность зажиточных слоев деревни, в первую очередь, деревенской буржуазии. В то время, как в городе уже с самого начала новой экономической политики мы разрешали хозяйственную деятельность частным торговцам и предпринимателям, в деревне, по сути дела, для деревенской буржуазии ставились такого рода рогатки, которые эту деятельность сильно ограничивали или делали ее почти невозможной. Теперь (лето 1925 г.) мы приходим к тому, чтобы отменить на практике такого рода систему и даем большую свободу движения буржуазным элементам деревни. Но это вовсе не означает, что мы перестаем вести классовую борьбу против деревенской буржуазии. Это вовсе не означает, что мы отказываемся поддерживать бедняков и середняков против эксплоататорских слоев. Мы лишь меняем форму нашей классовой борьбы против мелких деревенских капиталистиков. Мы переходим к новой, более целесообразной в настоящих условиях, форме этой классовой борьбы.

В городе мы вовсе не запечатываем лавки частного торговца, мы допускаем его «работу». В результате мы получаем от этого большее оживление товарооборота во всей стране. А этот торговец является покупателем и у нашей государственной промышленности, и у нашей оптовой государственной торговли; он, с другой стороны, продает,—поскольку наша собственная государственная и кооперативная товаропроводящая сеть является очень слабой,—наши товары в различные уголки нашей страны. При этом, конечно, он наживается и получает в свои руки торговую прибыль или часть этой торговой прибыли. И тем не менее, независимо от своей воли, он способствует, благодаря общему оживлению товарообо-

рота, и росту нашей государственной промышленности, и росту нашей государственной торговли, более быстрому оборачиванию общего капитала страны, и в том числе капитала нашей государственной промышленности и нашей государственной торговли. Быстрее поэтому вертится и машина самого производства, быстрее идет процесс накопления, и поэтому скорее увеличивается мощность нашей государственной промышленности,—этой основной базы, основного фундамента, социалистического общества. С другой стороны, путем налогового обложения буржуазных слоев мы точно так же получаем добавочные средства, идущие в нашу государственную казну. Вот этот прирост материальных ценностей, который получается, с одной стороны, от ускорения роста наших собственных предприятий в связи с оживлением общего товарооборота, а с другой—от налоговых поступлений, мы направляем на помощь разного рода начинаниям, которые служат делу трудящихся классов, делу социализма. Такого рода политика есть точно так же классовая политика с нашей стороны. Эта классовая политика имеет своей целью поддержку трудящихся против остатков эксплоататорского мира. Но форма этой политики, форма этой классовой борьбы, как мы видим, совершенно иная, чем в том случае, если бы мы просто-напросто запечатывали бы лавки частного торговца. Благодаря этой новой форме классовой борьбы, мы не только не проигрываем, а наоборот, мы в громадной степени выигрываем, потому что мы в гораздо большей степени усиливаемся, и притом усиливаемся на почве всеобщего роста благосостояния.

Правда, мы не сразу могли повести такого рода политику. Когда у нас на руках были фабрики и заводы, которые не работали; когда у нас выпускалась масса денег, представлявших из себя бумажки, не имевшие почти никакой ценности на рынке; когда у нас вместо банков были одни здания этих банков; когда железные дороги не ходили; когда для работы крупных предприятий не было самых необходимейших условий (не было сырья, топлива, не было даже хлеба для голодных рабочих), то тогда давать свободу частной хозяйственной деятельности и полную свободу торговле для частных лавочников и частных мелких капиталистов было бы в высшей степени опасно. Нам нечем было бы с ними конкуриро-

вать. У нас не было тогда в руках достаточно сильного и мощного орудия борьбы. В условиях разрухи мелкому капиталистику было гораздо легче обернуться со своим небольшим капиталом; он отличался гораздо большей ловкостью и пронырливостью, чем наши казенные учреждения, внутри которых была пустота. И если бы в то время мы дали полную хозяйственную свободу всем этим элементам, не обеспечивши самих себя, т.-е. не имея крепких позиций в хозяйственной борьбе, тогда была бы величайшая и чрезвычайно грозная опасность, что тысячи этих мелких капиталистиков захлеснут нас и побьют нас в конкурентной хозяйственной борьбе. И поэтому нам приходилось действовать с известной осторожностью, обеспечивая за собой солидные позиции на поле экономической хозяйственной битвы, т.-е. на поле классовых боев и классовой борьбы в ее новой форме. Такой позицией является в наших руках крупная промышленность, транспорт, банковая система (кредит), а также государственный бюджет и государственные финансы.

По мере нашего роста и по мере укрепления этих,—как их называют,—«экономических командных высот», мы могли все более решительно разжимать наш зажим по отношению к частному предпринимателю—мелкому и среднему. Нам теперь, например, уже совершенно нечего бояться этой свободы торговли, потому что на почве свободы торговли, на фундаменте этой свободы торговли, используя сами эту свободу торговли, мы уже в состоянии, укрепив свои командные высоты, вести победоносную хозяйственную борьбу.

Теперь мы можем перенести такого рода политику и на нашу деревню, добившись того, чтобы наши деревенские работники не практиковали системы простого административного «зажима» и «прижима» по отношению к более зажиточным слоям деревни. И опять-таки, значит ли это, что мы хотим здесь отказаться от классовой борьбы с этой сельскохозяйственной буржуазией? Ничуть не бывало. Точно так же, как мы не отказываемся от классовой борьбы с городской буржуазией (нэпманами), когда мы разрешаем ей заниматься своим «делом», так и соответствующая политика в деревне отнюдь не означает отказа от борьбы. Мы изменяем лишь форму ее. Против лавок деревенских торговцев мы должны выставлять не органы прямого принуждения и насилия, а на-

ши хорошие кооперативные лавки. Против деревенского ростовщика, который дает взаймы деньги за безбожный процент, или который сдает в наем свою лошадь безлошадному крестьянину на кабальных условиях, мы должны выдвинуть в первую голову батарею наших кредитных товариществ, хорошую организацию дешового кооперативного кредита и помощи со стороны государственной власти. Наши товары должны быть лучше и дешевле, чем товары частного торговца, наши кредитные ссуды должны быть больше и гораздо дешевле, чем ссуды, которые дает ростовщик, кооперация должна торговать лучше и быть более приспособленной к местному деревенскому спросу, чем частная торговля. Вот э т и орудия должны мы выставить на передовые позиции нашей борьбы с эксплоататорскими элементами деревни.

Можно, однако, спросить себя: правильно ли переносить такую политику, которая пригодна для города, на деревню? Ведь, есть одна важная для данного вопроса и крайне существенная разница между условиями хозяйственной борьбы в городе и условиями этой хозяйственной борьбы в деревне. В городе у нас уже есть более или менее хорошо организованные и хорошо работающие «командные высоты»; это, ведь, наша тяжелая артиллерия в борьбе с городскими нэпманами. Но где такого рода «командные высоты» в деревне? Что мы можем выставить в деревне против ее зажиточной верхушки? Где те экономические кулаки, которыми мы могли бы на почве хозяйственной борьбы барабанить по спине деревенского кулака? Не будет ли здесь такого положения вещей, что кулацкие элементы окажутся неизмеримо сильнее э к о н о м и ч е с к и, чем масса остального крестьянства, и тем самым не будут ли они в состоянии перехлеснуть через нас и очутиться, таким образом, заправилами и хозяевами всей деревенской жизни в целом?

На этот, совершенно законный, вопрос мы должны дать такого рода ответ: к о м а н д н о й в ы с о т о й п о о т н о ш е н и ю к д е р е в е н с к о й б у р ж у а з и и я в л я е т с я п р о л е т а р с к и й г о р о д. Нельзя себе представлять дело таким образом, что деревня развивается совершенно самостоятельно и независимо от города. Мы уже говорили, что с ростом производительных сил в стране влияние города будет все более и более решающим по отношению к развитию нашего сельского хозяйства. А сердцевина этого города, его

пролетарская промышленность, его банковая система, его законодательство и т. д., и т. п., все это обернуто «лицом к деревне», т.-е. все это служит могущественнейшей опорой середняцким и бедняцким элементам деревни, опорой против ее кулацких слоев.

Промежуточным звеном между пролетарским городом и трудящейся деревней является кооперация, которая как-раз и стоит на стыке между этим городом и деревней, воплощая собой в первую очередь ту экономическую смычку между рабочим классом и крестьянством, укрепить которую является основной задачей рабочего класса и нашей партии. Рост этой кооперации, в недрах которой пролетарское государство поддерживает и финансирует бедняков и середняков против кулаков и мелких сельскохозяйственных капиталистиков, означает, как мы видели, непрерывный и систематический рост ячеек будущего социалистического общества. Шаг за шагом государственная промышленность и государственная торговля, смыкаясь с деревенской кооперацией, которая, в свою очередь, перекидывается с торговли на самое производство, будет вытеснять частный капитал: промышленный, торговый и ростовщический. В общую государственно-кооперативную организацию будут вовлекаться и всасываться крестьянские хозяйства точно так же, как через различные формы кооперативных организаций (в первую очередь промысловую кооперацию) будут сюда вовлекаться и всасываться мелкие ремесленники и кустари. Постепенно, с вытеснением частных предпринимателей всевозможного типа и их частных хозяйств и по мере роста организованности и стройности хозяйства государственно-кооперативного, мы будем все более и более приближаться к социализму, т.-е. к плановому хозяйству, где все принадлежит всем трудящимся, и где все производство направлено на удовлетворение потребностей этих трудящихся.

Частичное развитие капиталистических отношений в деревне, которое будет происходить в ближайшие годы, необходимо должно будет, однако, вызывать и другие формы классовой борьбы, помимо борьбы чисто-хозяйственной, т.-е. помимо борьбы различных хозяйственных форм друг с другом. Например, батраки, которые нанимаются у сельскохозяйственной буржуазии, могут

совсем не иметь своего хозяйства, борьба у них идет не такая, какая идет, например, между середняком и кулаком, или же между бедняцким хозяйством и хозяйством кулацким. Борьба между кулаком и батраком идет по линии вопросов, касающихся условий наемного труда (величина рабочего дня, заработная плата, формы оплаты труда, общие условия работы и т. д., и т. п.). Но и здесь линия классовой борьбы со стороны батраков, являющихся частью рабочего класса, стоящего в настоящее время у власти, имеет все же другие формы, чем те формы классовой борьбы, которые были свойственны капиталистическому режиму. Это вытекает из того обстоятельства, что батрачество, которое в кулацком хозяйстве находится, так-сказать, под своим хозяином, в то же время, как часть господствующего класса, стоит над ним, хотя бы отдельные батраки этого и не сознавали. В чем находит себе выражение этот факт? В том, что все законодательство нашей страны направлено своим острием против эксплоататоров и каждым своим параграфом защищает интересы рабочих; в том, что профессиональные союзы рабочего класса и профессиональные союзы батраков пользуются законом признанными правами, каких они не имеют ни в одной капиталистической стране; в том, что суды нашей страны карают предпринимателей за нарушение этих законов, и т. д., и т. п. Поэтому классовая борьба со стороны батрачества в конечном счете направлена вовсе не на то, чтобы разгромить хозяйство кулаков и разделить его между собой. Мы теперь уже не можем повторять вечно одну и ту же сказку про белого бычка. Батрачество ведет свою классовую борьбу в других формах, вынуждая через свои профессиональные организации и через свою государственную власть, власть Советов, соответствующие условия труда и прибегает к судам своего класса, если необходимо обуздывать сельскохозяйственных предпринимателей. Точно так же батрачество помогает, будучи частью всего рабочего класса, организации не только наемных рабочих в сельском хозяйстве, но и оказывает всемерную помощь делу организации крестьянской бедноты и середняков, являясь, таким образом, живой соединительной тканью между городскими индустриальными рабочими и широкими слоями трудящегося крестьянства. Это не значит, что у нас не может быть никаких старых форм борьбы. К стачке, например, батракам не раз

придется прибегать в их борьбе с кулачеством. Но и в случае таких столкновений дело идет по-иному, так как за батраков стоят все органы власти, оказывающие давление на частного хозяина.

X. На кого нам нужно ставить свою ставку?

Нам нужно разобрать те вопросы, которые мы только-что выяснили, и несколько с другой стороны. Дело в том, что некоторые товарищи, не понимая сути вопроса, недоумевают по поводу принятого нашей партией политического курса по отношению к деревне. У некоторых, например, появляются такого рода рассуждения.

Во время гражданской войны мы-де опирались на союз городского рабочего класса и деревенских полупролетариев, батраков, полубатраков, мелких крестьян, деревенской б е д н о т ы вообще. Эта линия нашей политики выражала «истинно-пролетарскую линию, «левый», настоящий, чисто-«пролетарский» курс. Через некоторое время мы переместили центр тяжести нашей политики в деревню. Раньше мы ставили ставку на деревенскую бедноту и опирались в деревне на такие организации, как комитеты бедноты; потом мы провозгласили лозунг «поддержки с е р е д н я к а», крестьянин-середняк стал выпячиваться, как «центральная фигура нашего сельского хозяйства»; таким образом, мы, быть-может, незаметно сами для себя, от с т а в к и н а б е д н о т у перешли к с т а в к е н а с е р е д н я к а, т.-е. повернули курс н а п р а в о, в с т о р о н у от «чисто-пролетарской» линии; прошло еще несколько времени, и мы теперь заговорили о большей хозяйственной свободе для з а ж и т о ч н о г о к р е с т ь я н и н а и даже для кулака; другими словами, мы теперь повернули еще б о л е е «вправо» и, повидимому, ставим свою ставку именно на этого зажиточного, поскольку «провалилась» наша ставка сперва на бедноту, а потом на середняка. Не есть ли это новый поворот нашей политики вправо? Не обозначает ли все это, вместе взятое, неуклонного и систематического о т с т у п л е н и я от пролетарской политики и все большего превращения политики нашей партии в политику постоянных и все дальше идущих уступок, сперва середняку, а потом более чем среднему буржуа? Не есть ли это, другими словами, ясно очерченная линия в ы р о ж д е н и я нашей

партийной политики? Не есть ли это сдача наших позиций и капитуляция перед растущими капиталистическими отношениями в нашей стране?

Такого рода мысли и такого рода возможные возражения необходимо самым внимательным образом разобрать. Оставлять их без ответа никоим образом нельзя; тут нужно договориться совершенно на-чистоту, потому что без понимания сути нашей политики (а такое понимание невозможно, если нет ответа на только-что поставленные вопросы), без этого понимания нашей политики, конечно, немыслимо вести сколько-нибудь хорошо дело руководства такой огромной страной, как наша, со столькими внутренними противоречиями и с таким сложными задачами, какие стоят на нашем пути.

Для того, чтобы ответить на поставленные вопросы и возражения, целесообразно будет, прежде всего, поставить вообще вопрос о так-называемой новой экономической политике. Когда мы переходили от системы военного коммунизма к новой экономической политике, то некоторым казалось, будто эта новая экономическая политика означает на деле капитуляцию перед буржуазией. Все враги коммунистической партии и диктатуры пролетариата, «свои» и заграничные, неустанно говорили и писали о крахе коммунизма в России, о том, что русские большевики, проделав неудачный опыт осуществления настоящего социализма, быстро разочаровались в этом опыте, ибо он показал полную неосуществимость социалистического строя, и, призвав на помощь ту же самую буржуазию, которую они хотели уничтожить, тем самым расписались в полном своем бессилии. В начале новой экономической политики заговорщики иностранные и русские, эмигрантская (белая) печать неустанно твердили, что в России сделан огромный шаг по пути к восстановлению старого порядка, что за этим шагом неизбежно будут делаться и остальные шаги по пути назад к капитализму: будут-де возвращаться фабрики и заводы, прежние владельцы будут призваны в качестве варягов, спасающих Русь и наводящих в ней порядок, исчезнут все и всяческие «национализации» и «монополизации», и вновь водворится с помощью самих «образумившихся» большевиков старый капиталистический строй, который тем самым еще и еще раз докажет свою громаднейшую жизнеспособность и все свои преимущества перед всеми и всяческими социализмами и коммуниз-

мами. Говорилось также, что большевики, которые раньше «ставили ставку» на рабочий класс, теперь ставят эту ставку на буржуазию, старую и новую, которая вывелась под крылышком военного коммунизма, прошла сквозь огонь, воду и медные трубы, знает все ходы и выходы в новом советском строе и поэтому неизбежно окажется гораздо более приспособленной к большевистскому режиму.

Однако, можно ли сказать, что новая экономическая политика означала капитуляцию перед капитализмом? Можно ли сказать, что дело трудящихся проиграно вместе с введением новой экономической политики? Можно ли сказать, что новая экономическая политика означала отказ от социалистического строительства, крах коммунизма и т. п.? Можно ли, наконец, сказать, что эта новая экономическая политика означала ставку на буржуазию?

Теперь, когда эта так-называемая новая экономическая политика насчитывает уже изрядное количество лет, когда она уже получила проверку на опыте, и когда мы можем уже подвести довольно внушительные итоги этой политики, мы ясно видим, что в результате ее мы имеем громадный прирост сил на стороне рабочего класса и трудящихся масс вообще, на стороне социализма в его борьбе с частно-капиталистическим хозяйством. Благодаря новой экономической политике, мы одержали крупные успехи в области хозяйства, и притом развитие производительных сил нашей страны шло в таком направлении, что все больший и больший перевес получали и получают социалистические формы хозяйства и формы, близкие к ним, идущие по пути к социализму. В общей сумме хозяйства нашей страны вовсе не видно того, чтобы по сравнению с государственным и кооперативным хозяйством все рос и рос частный капитал. Наоборот, позиции государственного и кооперативного хозяйства все более и более укрепляются на поле общего под'ема благосостояния в стране. Раз это так,—а это именно так,—то как же можно говорить о какой бы то ни было капитуляции? или об отступлении от пролетарской линии? или о ставке на буржуазию? Хороша «ставка на буржуазию», в результате которой выигрывает в первую голову социалистический пролетариат! Хорош «крах» коммунизма, в результате которого государственное хозяйство пролетарской диктатуры идет после целого ряда лет оцепенения

и мертвого состояния к своему быстрому экономическому под'ему!

На самом деле «крах коммунизма» был не чем иным, как крахом наших некоторых заблуждений и неправильных представлений о ходе нашего развития к социализму, заблуждений, связанных с периодом так-называемого «военного коммунизма». Но крах некоторых заблуждений вовсе не означает краха коммунизма. Совершенно понятно, что молодой класс, взявший в свои руки государственную власть, не мог представлять себе всей сложности того пути, по которому ему придется итти. В период гражданской войны, беспощадного подавления эксплоататоров, конфискаций, реквизиций и прочего мы представляли себе, что можем почти сразу перейти к плановому организованному хозяйству, начисто и сразу уничтожив свободную торговлю всюду и везде и заменив эту торговлю организованным распределением (карточки и прочее). Опыт показал нам, однако, что такого рода задача нам не под силу, да и по существу эта задача не может быть разрешена, когда имеется в наличии колоссальное количество мелких хозяйств, которые никак нельзя сразу втиснуть в единый стройный план. Долго держаться на запрещении свободной торговли по отношению к мелкому производителю, в том числе, и в первую голову, по отношению к крестьянину, было нельзя; это означало такую ломку всех привычных для крестьянина отношений, которая возбуждала против себя широкие слои крестьянства и поэтому неизбежно была обречена на слом. Крестьянин и мелкий производитель вообще, который привык свободно распоряжаться своим продуктом (продавать его, если он захочет этого), теряли всякий интерес к улучшению и расширению своего производства при системе военного коммунизма. Поэтому получалось то, что сельскохозяйственное производство не могло развиваться и итти вперед при такой системе. Не было правильного сочетания между частными интересами мелкого производителя и задачами и целями пролетарского социалистического строительства. Это сочетание, эту связь нужно было в первую голову найти. Новая экономическая политика и означала, прежде и раньше всего, такого рода связь и сочетание. Выше мы видели, как, зацепляя за частно-хозяйственные интересы мелкого произво-

дителя, можно—через кооперацию—постепенно подводить его к социализму, не ломая сразу и круто привычного строя жизни и не возбуждая, таким образом, против себя мелкобуржуазных привычек и даже суеверий широких трудящихся масс крестьянства. Вспомним, что в нашей стране около 100 миллионов крестьянского населения, больше 20 миллионов крестьянских дворов; вспомним, что крестьянское хозяйство есть хозяйственная основа нашей государственной промышленности,—и тогда сразу станет ясным, какой толчок вперед должна была получить наша страна с переходом к новой экономической политике. Мы теперь ясно видим наш путь к социализму, который пролегает не там, или, вернее, не совсем там, где мы искали его раньше. Мы думали, что мы можем одним взмахом и сразу уничтожить рыночные отношения. Оказалось, что мы придем к социализму *именно через* рыночные отношения. Можно сказать, что эти рыночные отношения будут уничтожены в *результате своего собственного развития*. Каким образом?

Нам известно, что в капиталистическом обществе, где господствует рынок, где разного рода частные предприятия борются друг с другом на этом рынке, конкурируют друг с другом, *крупное производство в конце-концов вытесняет мелкое, средний капитал отступает перед более крупным капиталом*, и, в конце-концов, место массы конкурирующих друг с другом предпринимателей, фабрикантов, купцов, банкиров занимают группки крупнейших королей промышленности и банков, которые сосредоточивают в своих руках всю промышленность и торговлю. Развитие рыночной борьбы приводит к тому, что число конкурентов все уменьшается, и производство сосредоточивается в руках крупных капиталистических организаций. Нечто *по виду* похожее будет происходить и у нас, и происходит уже и теперь, с тою только существеннейшею разницей, что у нас на месте крупнейших королей промышленности и банкиров стоит рабочий класс и трудящееся крестьянство. В самом деле, у нас существуют различные хозяйственные формы, разного рода хозяйственные «предприятия»; у нас есть *государственные* предприятия, у нас есть *кооперативные* предприятия, у нас существуют, наконец, *частно-капиталисти-*

ческие предприятия и т. д. Наиболее крупное производство находится в руках пролетарского государства. В руках частно-капиталистического хозяйства находятся гораздо менее крупные предприятия в области торговли, в первую очередь розничная торговля, тогда как оптовая торговля (торговля крупная) находится в руках государства; в промышленности крупное производство точно так же находится в руках государства, а на долю частных предприятий приходятся лишь предприятия большей частью среднего и мелкого типа. Между этими различными формами предприятий идет хозяйственная борьба, борьба, в которой последнее слово принадлежит покупателю. Покупатель же покупает там, где товар лучше и дешевле. При правильной постановке дела,—а такой правильной постановки дела мы все больше и больше добиваемся и все больше и больше достигаем,—все преимущества будут на стороне крупного государственного производства, и оно будет забивать в конкурентной борьбе своего частного соперника. Мелкое крестьянское хозяйство, страдая от своей «мелкости», как мы видели выше, будет восполнять этот недостаток своей кооперативной организацией, поддерживаемой пролетарской государственной властью, и будет поэтому точно так же отвоевывать для себя преимущества всякого крупного об'единения, используя эти преимущества и выгоды, получаемые от кооперации, в своей борьбе против частного хозяйства кулака. Через борьбу на рынке, через рыночные отношения, через конкуренцию государственные предприятия и кооперация будут вытеснять своего конкурента, т.-е. частный капитал. В конце-концов, развитие рыночных отношений уничтожит само себя, потому что, поскольку на почве этих рыночных отношений с их куплей-продажей, деньгами, кредитом, биржей и т. д., и т. п. государственная промышленность и кооперация подомнут под себя все остальные хозяйственные формы и постепенно вытеснят через рынок их до конца, постольку и сам рынок рано или поздно отомрет, ибо все заменится государственно-кооперативным распределением производимых продуктов.

Таким образом, наше представление о развитии к социализму в значительной мере изменилось; но эти изменения ни капли не выражают собой отступления от пролетарской по-

литики; наоборот, они выражают собой учет громадного революционного опыта. Мы впервые в новой экономической политике нашли правильное сочетание между частными интересами мелкого производителя и общим делом социалистического строительства. Новая экономическая политика есть не измена пролетарской линии, а единственно правильная пролетарская политика. Теперь это стало уже яснее ясного.

Определить, не является ли наша политика отступлением от правильной пролетарской линии, вообще говоря, можно наилучшим образом тогда, когда мы привлекаем к делу результаты этой политики. И если результаты эти говорят, что социалистические хозяйственные формы усиливают свой вес в общем хозяйстве страны, то одного этого вполне достаточно, чтобы решить весь вопрос. Политика комбедов в деревне разрешала, по сути дела, две задачи, которые выдвигались тогда на очередь дня: во-первых, задачу борьбы с сопротивлением кулаков; во-вторых, задачу сбора хлеба по продразверстке, без чего нельзя было прокормить армию. Но эта политика не решала и не могла решить задачу хозяйственного под'ема деревни. Хозяйственный под'ем в деревне, т.-е. под'ем громадного количества мелких хозяйств невозможен без под'ема основной хозяйственной массы крестьянства, крестьянина-середняка. Поскольку этот хозяйственный под'ем имеется налицо, постольку даются и основы для под'ема государственного хозяйства в городе. Значит ли это, что здесь забывается беднота? Никак не значит, ибо общий под'ем хозяйства в стране и под'ем государственного хозяйства дает гораздо больше возможности не на словах только, а на деле, не на бумаге, а в жизни, не одними декретами, а настоящей материальной помощью оказывать содействие бедноте. И если еще до сих пор эта помощь не оказывается в надлежащей степени, то основной причиной этого является недостаточно быстрый ход накопления средств в нашем государственном хозяйстве. Поэтому, именно поэтому, нам нужно приложить все усилия, чтобы ускорить рост наших материальных средств, ускорить «темп» накопления в нашей государственной промышленности, ускорить приток добавочных средств в нашу государственную казну.

Для того, чтобы решить эту задачу, необходимо дальнейшее развязывание товарооборота в нашей стране, а для этого, в свою очередь, необходима некоторая бо́льшая хозяйственная свобода и для сельскохозяйственной буржуазии, т.-е. перенесение новой экономической политики на деревню. Теперь это нам ни капли не опасно, ибо у нас, как мы говорили выше, уже есть командные высоты; а, с другой стороны, это даст возможность, ускоряя товарооборот в стране, более быстро накоплять, даст возможность и более быстрой помощи бедняцкой и середняцкой кооперации, колхозам, сельскохозяйственной кооперации, потребительским обществам. Наша действительная ставка есть ставка на нас самих, есть ставка на рабочий класс и трудящееся крестьянство, есть ставка на рост социалистических хозяйственных форм, на рост государственной промышленности—в первую очередь, на рост сельскохозяйственной кооперации—во вторую. Смычка между двумя этими основными формами есть необходимое условие нашей победы.

XI. Диктатура пролетариата и ее разное значение по отношению к разным классам.

Развитие нашего теперешнего общества по направлению к социалистическому обеспечивается тем, что у власти стоит рабочий класс, и что у нас имеется налицо его революционная диктатура, т.-е. его единовластие. Общее значение диктатуры пролетариата состоит, во-первых, в том, что она есть орудие подавления эксплоататоров, орудие подавления с их стороны всяческих попыток возвратиться к власти; с другой стороны, общее значение пролетарской диктатуры состоит в том, что она есть основной рычаг экономического преобразования общества. Рабочий класс использует машину государственной власти, находящейся в его руках, для того, чтобы все время преобразовывать экономические отношения общества на социалистический лад. В самом начале, после захвата власти, лишь только был заложен фундамент нового государ-

ственного строя, эта власть была употреблена рабочим классом на то, чтобы «экспроприировать экспроприаторов», т.-е. отнять у фабрикантов и заводчиков их фабрики и заводы и сделать их собственностью государства. Рабочая власть закрепила точно так же окончательно и раз навсегда конфискацию всей помещичьей земли и об'явила эту землю собственностью всего народа (национализация земли). По мере своего упрочения, Советская власть, ведя политику постоянного и систематического укрепления всех ростков социалистических—общественных и хозяйственных—форм, является, таким образом, орудием общественного преобразования. После всего сказанного в предыдущих главах можно сделать тот вывод, что, по мере роста прочности советского строя, центр тяжести все более и более перемещается с дела непосредственного и механического подавления эксплоататоров и остатков враждебных рабочему классу общественных групп на дело хозяйственного преобразования общества, на мирно-организаторскую работу, на хозяйственную борьбу с частными предприятиями, на дело строительства социалистических хозяйственных форм (государственные предприятия, кооперация и т. д.).

Диктатура пролетариата, т.-е. рабочего класса, организованного как государственная власть, не может не относиться по-разному к различным слоям общества, к различным классовым группировкам. Было бы в высшей степени странным, если бы власть рабочего класса не различала этих слоев, не видела громаднейшей разницы между различными общественными классами и группами и вела одну и ту же, совершенно одинаковую, политику, т.-е. находилась бы в одинаковых отношениях к этим различным классам, слоям и группам.

Роль пролетарской диктатуры по отношению к сопротивляющимся ее режиму слоям буржуазии состоит в подавлении этих слоев. Если, например, к нам приезжают из-за границы агенты российской контр-революции создавать у нас тайные организации и кружки, ставящие себе целью борьбу с Советской властью и ее свержение, то по отношению к такого рода буржуазно-помещичьим слоям пролетарская диктатура означает собою меч разящий, который

беспощадно расправляется с заговорщиками, желающими подорвать всякую возможность общественного преобразования в социалистическом духе. Совершенно другой является наша пролетарская власть, и совершенно другой является роль пролетарской диктатуры по отношению к тем слоям буржуазии, которые, по выражению тов. Ленина, «допущены к сотрудничеству» с рабочим классом и крестьянством. В самом деле, мы знаем, что у нас целый слой буржуазных предпринимателей, в первую очередь торговцы, занимаются своей деятельностью, так-сказать, на законных основаниях; наши советские законы допускают эту деятельность. В чем состоит роль пролетарской диктатуры по отношению к этим слоям буржуазии? Она состоит, во-первых, в ограничении этой деятельности целым рядом условий (рабочее законодательство и законы о труде, права профессиональных союзов, налоговое обложение различных видов и т. д.); во-вторых, роль пролетарской диктатуры заключается в использовании этих элементов для дела социалистического строительства (общее оживление товарооборота, употребление налогов, получаемых с этих слоев на поддержку социалистических хозяйственных форм и т. д.); в-третьих, в хозяйственной борьбе с этими слоями путем конкуренции с ними на рынке (государственные предприятия, поддержка конкурирующей с частным капиталом кооперации и т. д.). Если мы спросим теперь себя, какова же главная задача пролетарской диктатуры по отношению к новой буржуазии, то короткий ответ на этот вопрос может быть выражен, примерно, в такой форме: эта задача есть задача использования и вытеснения. Здесь имеются, следовательно, такого рода отношения, которые в конце-концов приведут к уничтожению частно-капиталистических форм путем их вытеснения. Поставим теперь вопрос о роли и значении пролетарской диктатуры по отношению к трудовому крестьянству — беднякам и середнякам. Есть ли здесь хоть какой-нибудь элемент борьбы? Элемент борьбы здесь, несомненно, есть, но он неизмеримо меньше, чем в отношениях с новой буржуазией. В чем выражается этот элемент борьбы? Он выражается в борьбе с колебаниями некоторых слоев крестьянства в сторону буржуазии. Мы уже видели, что, благодаря частному характеру своего хозяйства, благодаря своей темноте и вековой забито-

сти, благодаря тому, что крестьянство не привыкло к коллективным формам и только-только начинает к ним переходить, оно склонно при известных условиях, в особенности в тяжелые критические моменты, к колебанию в сторону буржуазии. И вот с этими-то колебаниями, с этими уклонами, вытекающими из двойственной природы самого крестьянства (с одной стороны—труд, с другой стороны—частный характер хозяйства), пролетарская диктатура должна вести, разумеется, каждый раз в подходящей форме, решительную борьбу. Однако, основной задачей пролетарской диктатуры по отношению к трудящемуся крестьянству является задача помощи и переделки, переработки хозяйственного уклада крестьянства. Крестьянское хозяйство при помощи пролетарской диктатуры будет превращаться, в первую очередь через кооперирование, в новую, высшую форму, гораздо более крупную, гораздо более культурную и развивающуюся по пути к социализму. Этот процесс будет итти не через «вытеснение», «пожирание», «уничтожение» крестьянского хозяйства, а именно через его медленную переработку. Если частно-капиталистические предприятия, в результате пролетарской диктатуры, в результате ее политики, будут вытесняться и гибнуть, отступая перед конкуренцией государственных предприятий и кооперативов, то крестьянское хозяйство отнюдь не будет гибнуть, а будет переходить в иные, высшие, формы. Государственное предприятие конкурирует с частным предприятием и, в конце-концов, забивает его. Государственное предприятие не конкурирует с крестьянским хозяйством, а помогает ему подняться на высшую ступень, не забивает его в конкурентной борьбе, а организует его через кооперацию.

Таким образом, у пролетарской диктатуры по отношению к крестьянству есть такого рода связь, которую можно обозначить словом союз. В этом союзе, как мы уже знаем, руководство принадлежит рабочему классу, организованному в государственную власть.

Чтобы совершенно ясно и отчетливо представлять себе дело так, как оно есть, нужно строгое различие между двумя вещами: между сотрудничеством в обществе, с одной стороны, и сотрудничеством во власти, т.-е. разделом этой власти между классами,—с дру-

гой. Сотрудничество и даже союз, союз крепкий и ненарушимый, не есть еще раздел власти. У рабочего класса с крестьянством есть полное сотрудничество в обществе, есть отношение союза. Это значит, что государственная промышленность и крестьянское хозяйство должны помогать друг-другу, это значит, что рабочий класс и крестьянство вместе сражаются против помещиков и капиталистов, если они идут походом против советских республик; это значит, что рабочий класс и крестьянство вместе борются на хозяйственном фронте против частного капитала. Но это еще не значит, что у нас есть раздел власти, что у нас имеется не диктатура рабочего класса, а диктатура двух классов, т.-е. и рабочего класса, и крестьянства. Ведь, самый союз есть союз между кем? Между рабочим классом, организованным как государственная власть, и крестьянством; в самой государственной власти крестьянства, как соучастника этой власти, нет, но эта рабочая власть находится в союзе с крестьянским классом. Почему это так, и почему в наших условиях, т.-е. в условиях перехода общества к социализму, необходима именно диктатура одного класса, т.-е. пролетариата? Это необходимо потому, что только пролетариат представляет из себя такого рода общественную силу, которая совершенно сознательно и твердо может вести все общество к социализму. Мы видели выше, что руководство на этом пути, руководство в союзе между рабочим классом и крестьянством должно принадлежать пролетариату, и что только при таком руководстве возможно победоносное продвижение вперед к социализму. Но диктатура пролетариата, т.-е. организация пролетариата в государственную власть, и есть организация руководства по отношению к широким массам крестьянства. Однако, рабочий класс вовсе не ставит своей целью вечное «царство пролетариата», он вовсе не ставит своей задачей вечное существование пролетарской диктатуры, а равно и свое собственное существование, как постоянно и вечно существующего господствующего класса.

Рабочий класс ставит своей действительной задачей, к которой он медленно, но неуклонно идет и ведет за собою все общество, переделку широких народных слоев и, в первую очередь, переделку самого крестьянства, перевоспитание его на социалистический лад, постоянный его под'ем и подтягивание к тому уровню, мате-

риальному, экономическому и культурно-политическому, на котором находятся самые передовые слои пролетарского населения. По мере переработки широких слоев крестьянства, по мере их перевоспитания, они будут все более и более сравниваться с пролетариатом, смешиваться с ним и превращаться в одинаковых членов социалистического общества. Разница между классами будет все более и более исчезать. И, таким образом, самые широкие слои крестьянства, «переделывая свою собственную природу», будут сливаться с работниками города, диктатура пролетариата, как особого класса, будет все более и более отмирать.

В капиталистическом обществе про буржуазию можно тоже до известной степени сказать, что она, эта буржуазия, являлась руководительницей всего общества, его самым передовым и самым образованным классом; но руководство со стороны буржуазии и руководство со стороны пролетариата самым резким, самым глубоким, самым коренным образом отличаются друг от друга. Ибо развитие капиталистического общества, во главе которого стояла буржуазия, приводило к тому, что разница между господствующими классами и классами угнетенными, между буржуазией, с одной стороны, рабочим классом и крестьянством—с другой, все более и более обострялась и увеличивалась. Немыслимо и думать, чтобы в рамках и пределах капиталистического строя рабочий класс и крестьянство выравнивались по своему материальному положению, по уровню своей жизни, по своему образованию, по своему общественному положению с буржуазией. Это противоречило бы самым коренным основам буржуазного общества. Наоборот, самая суть этого буржуазного общества состоит во все более резком делении его на классы, самая коренная суть буржуазной политики состоит в том, что при ее помощи буржуазия обеспечивает за собою, исключительно за собою, все преимущества материального положения и все преимущества образования: буржуазия имеет в странах, где она господствует, не только монополию (т.-е. исключительное владение) на средства производства, фабрики, заводы, железные дороги и прочее; она имеет монополию не только на государственную власть, к которой никого не подпускает; но она имеет и полную фактическую монополию

на высшее образование, на прессу (газеты, журналы), на науку и т. д. Новые ученые, новые администраторы, новые инженеры, новые офицеры и генералы, одним словом, новые руководящие кадры общества постоянно воспроизводятся не из низших слоев народа, не из рабочих и крестьян, а из слоев той же самой буржуазии и буржуазной интеллигенции, которые без конца пользуются, фактически наследственным путем, всеми преимуществами своего положения. Буржуазия никогда не ставила и не могла ставить своей задачей поднять и поднимать, систематически и неуклонно, новые и новые народные пласты к культурной жизни, ибо это означало бы падение ее собственного могущества.

Совершенно другую политику, прямо противоположную, ведет рабочий класс. Его задачей является не воспроизводство того же отношения между классами: его задачей является преодоление классовых различий, уничтожение этих классовых различий путем перевоспитания широких народных масс; для этого он пользуется всеми находящимися в его распоряжении средствами и всем могуществом своей государственной власти. Основой этой переделки является переделка экономических отношений общества, развитие этого общества по пути к социализму. А вместе с этим и на-ряду с этим рабочий класс употребляет все усилия, чтобы перерабатывать широкие народные слои и, в первую очередь, своего надежнейшего союзника по борьбе с помещиками и капиталистами—крестьянство. Это находит, между прочим, свое выражение в политике вовлечения крестьянства в советское строительство. Привлекая все большее и большее количество беспартийных крестьян к советской работе и помогая им на этой работе перевоспитываться, расти, переделывать свою природу, приобретать навыки, необходимые для дела государственного управления, учиться пониманию не только местных, но и общегосударственных задач и т. д., рабочий класс тем самым постепенно начинает стирать границу между собой и передовыми слоями крестьянства. Через эти передовые слои будут переходить на более высокую ступень и подниматься к новой жизни, активной и сознательной, другие слои, новые группы крестьянства, и мало-по-малу, на основе пролетарского руководства, крестьянство будет все ближе и ближе срастаться по своим привычкам, навыкам, мыслям, целям и

задачам с рабочим классом. Подобно тому, как через кооперацию крестьянское хозяйство будет срастаться с государственным хозяйством пролетариата и, в конце-концов, переработав само себя, вольется в единое плановое социалистическое хозяйство, подобно этому всем ходом жизни крестьянство будет срастаться с рабочим классом, изменять в этом процессе свою собственную природу и, в конце-концов, сольется с рабочим классом в едином социалистическом трудящемся обществе. Если в начале этого процесса между городским рабочим классом и крестьянством проходила широкая борозда, которая отделяла рабочего, как прирожденного сторонника коллективных форм (общественных форм) труда и борьбы, от крестьянина, как сторонника мелкого частного хозяйства, то, по мере роста кооперации, по мере роста политического и общекультурного воспитания крестьянства, оно будет все более превращаться сперва в нечто похожее на просто-напросто отставший и отсталый широкий слой рабочего класса, а затем будет все более и более приближаться к нему, пока борозда, проходившая между обоими классами, не будет окончательно засыпана, и оба класса не сольются раз и навсегда в едином типе трудящихся членов социалистического общества. Это будет и уничтожением (отмиранием) за «ненадобностью» самой пролетарской диктатуры. Но для того, чтобы дойти до этой цели, необходима постоянная и твердая политика, которая, имея в виду эту цель, властно направляет ход общественного развития. Вот почему нужно сохранение полностью на данной ступени развития единственной действительной гарантии правильной политики, каковой гарантией является строй пролетарской диктатуры, опирающейся на крестьянство и находящейся в союзе с этим крестьянством.

XII. Формы пролетарской диктатуры.

Общая форма пролетарской диктатуры—это есть Советская власть, Советское государство, в его отличие от так-называемой буржуазной демократии. Специальной особенностью этой формы государственной власти являются следующие ее отличительные черты. Прежде всего, она *не допускает к выборам в государственные органы представителей буржуазии*. Она ограничивает избиратель-

ные права с совершенно обратного конца, чем это делается в буржуазном государстве, где в той или иной форме прямо или косвенно, прикрыто или открыто, лишаются избирательных прав, или ограничиваются в своих избирательных правах, представители трудящегося народа. Во-вторых, Советская власть ограничивает целый ряд «свобод», или вовсе уничтожает эти свободы для представителей буржуазии. Она запрещает, например, политические организации буржуазии. Она запрещает этой буржуазии иметь свои политические боевые органы, в том числе и органы печати и т. д. В-третьих, зато она в небывало широкой степени осуществляет на деле свободу рабочих организаций, их печати, их собраний и проч., вызывая тем самым небывалый расцвет всевозможных об'единений рабочего класса и трудящихся масс вообще, проводя, таким образом, на деле широкую демократию трудящихся в отличие и в противоположность демократии для богатых, демократии для буржуазии, как это практикуется в капиталистических странах. В этих последних рабочий класс и крестьянство часто имеют разного рода права, но эти права имеют в подавляющем большинстве случаев формальный (т.-е. лишь на бумаге существующий, а в действительной жизни не существующий) характер. Например, на бумаге может быть признана свобода и рабочей печати, но так как все типографии, вся бумага, все здания находятся в руках крупных капиталистических собственников, то революционная рабочая газета не может найти себе фактически места: ее отказываются печатать даже в том случае, если есть материальная возможность ее издавать; или на бумаге может существовать право собраний, но рабочие организации не могут собраться за «неимением помещения» и т. д., и т. п. У нас при Советской власти последняя обеспечивает все более и более на деле эти свободы, т.-е. осуществляет проведение этих свобод в жизнь, ибо Советская власть дает гарантии этого осуществления; она материально поддерживает рабочую печать, она предоставляет рабочим организациям лучшие помещения в городе, она дает крестьянам-передовикам возможность устройства своего клуба, отдавая лучшие помещения в деревне, и т. д., и т. п. Ее почта распространяет рабочую печать, ее милиция охраняет рабочие собрания. Словом, все организации государственной вла-

сти претворяют в жизнь то, что является необходимым для действительного осуществления самого широкого участия рабочих масс в активном строительство нового общества.

В-четвертых, Советская власть не оторвана от организаций рабочих и крестьян; наоборот, ее существеннейшей особенностью является то, что она непосредственно связана и непосредственно опирается на огромную сеть разнообразнейших организаций трудящегося народа: профессиональные рабочие союзы, крестьянскую кооперацию, крестkомы, комнезамы, рабкоровские и селькоровские организации, всевозможные добровольные общества и об'единения и т. д., и т. п. Советская власть поднимает все новые и новые слои даже наиболее отсталого трудящегося населения; например, она организует и всемерно поддерживает различные формы об'единения женщин-работниц, крестьянок, женщин угнетенных прежде империализмом и наиболее отсталых национальностей, всемерно пробуждая в них сознание необходимости итти к новой жизни и самим принимать участие в построении этой новой жизни. Многочисленные и разнообразные организационные ячейки всех этих об'единений трудящегося народа, и, прежде всего, рабочего класса, связаны прямо или косвенно тесной связью с органами Советской власти, образуют, по сути дела, единую с нею систему, которая охватывает, организует, просвещает, перерабатывает громаднейшие слои трудящихся.

При капиталистическом режиме государственная власть опирается на замкнутые организации небольших слоев крупных капиталистов. Если она связана с организациями трудящихся, то исключительно в целях их р а з в р а щ е н и я и о б м а н а; в таких случаях целью этой связи является не привлечение трудящихся к установлению нового порядка, а к тому, чтобы о т в л е ч ь рабочий класс и крестьянство от осуществления их с а м о с т о я т е л ь н ы х целей и классовых задач, к тому, чтобы заставить их лучше работать н а б у р ж у а з и ю и лучше подчиняться государственной власти этой б у р ж у а з и и.

В условиях советского режима сама Советская власть есть по существу дела выражение воли трудящихся масс, есть наиболее широкая и всеоб'емлющая форма организации этих масс. Если государство у нас есть государство рабочего класса, если существующая у нас диктатура есть дикта-

тура пролетариата, то связь этого государственного аппарата не только с рабочими, но и с крестьянскими организациями является его предпосылкой, является мостиком, по которому крестьянство постепенно переходит «на точку зрения пролетариата».

В-пятых, Советская власть построена таким образом, что участие в политической жизни, например, участие в избирательных кампаниях в советы и работа в этих советах, в корне отличается от избирательных кампаний и участия в так-называемой парламентской работе. В буржуазных республиках граждане выбирают раз в 4 или 3 года, или в какой-нибудь другой срок, депутатов в парламент, и тем почти ограничивается их политическая жизнь. С другой стороны, депутат парламента, не могущий быть отозванным своими избирателями, представляется исключительно парламентским говоруном. В наших условиях избирательные кампании в советы и работа в этих советах означают вовлечение и избирателей, и, в очень большой степени, депутатов в действительную, настоящую работу по управлению государством, ибо избиратели участвуют в этой строительной работе даже в самых низовых избирательных ячейках, например, на фабриках или на заводах, тогда как их представители в советских органах точно так же обязательно выполняют какую-нибудь руководящую работу по управлению государством или той или иной частью государственного хозяйства и т. д., и т. п.

Можно еще было бы указать ряд признаков, которые глубоко отличают советскую форму государства от всякой иной государственной формы. Легко видеть, что назначения, цели, задачи Советской власти, власти основного класса, переворачивающего весь старый порядок, весь старый мир, в корне противоположны характеру, целям и задачам буржуазных государств.

Но эта самая форма Советской власти, со своей стороны, испытывает ряд изменений в зависимости от той обстановки, в которой приходится трудящимся бороться за осуществление своего дела.

В эпоху так-называемого военного коммунизма, когда вся страна была превращена в осажденную крепость, когда

главнейшей задачей власти была организация вооруженного отпора противнику, когда нужно было, в первую очередь, быстро и решительно отбиваться от него, не столько обсуждать, сколько руководить в виде приказов и команды, по-военному, тогда, совершенно естественно, форма пролетарской диктатуры была формой военно-пролетарской диктатуры. Широкие органы Советской власти, пленумы советов, фактически, на деле, почти-что отмерли, и руководство перешло исключительно к президиумам исполкомов, т.-е. к узким коллегиям, к «тройкам», «пятеркам» и т. д. Очень часто, в особенности в местностях, близких к территории, занятой неприятелем, или в таких местностях, которые были под угрозой со стороны неприятеля, создавались, вместо «правильных» органов Советской власти, т.-е. органов, действительно, на деле, выбранных всем трудящимся населением, местные так-называемые «революционные комитеты» (ревкомы), которые, вместо того, чтобы выносить вопрос на массовое обсуждение и на предварительное решение широких кругов трудящихся, действовали совершенно самостоятельно. Эта форма власти советов не переставала, конечно, быть выражением интересов трудящихся; она была необходима для того периода, была целесообразной для того времени, когда нужно было сократить до минимума всякую говорильню, всякую дискуссию, когда нужно было временами даже поступаться задачей воспитания масс, а когда нужно было действовать, действовать и еще раз действовать на поле вооруженной борьбы с врагами трудящегося народа. В связи с этим строем военно-пролетарской диктатуры тогдашнего периода стояло и отсутствие точно определенных и подлежащих строгому выполнению законов, которые по большей частью заменялись приказами и распоряжениями, менявшимися в зависимости от боевой обстановки.

Методы конфискаций и реквизиций были совершенно обычными методами в это время. Все это вытекало из навязанной рабочему классу и крестьянству невероятно жестокой гражданской войны, в условиях мучительно-трудных.

С переходом к мирному времени, и в особенности, с переходом нашей страны к хозяйственному под'ему по всей линии, совершенно естественно должна вновь измениться форма Советской власти в смысле

изживания и уничтожения остатков военно-коммунистического периода.

Революционная законность должна заменить собою все остатки административного произвола, хотя бы даже и революционного. В полосе мирного строительства, когда хозяйственная деятельность стоит на первом плане, всякое бессистемное, произвольное, случайное, непредвиденное вмешательство в ход экономической жизни может чрезвычайно печально отражаться на этой хозяйственной жизни. Начать, прежде всего, с крестьянского хозяйства. Мы сами говорим и пишем, обращаясь к крестьянству, о необходимости более правильного ведения дел в крестьянском хозяйстве; мы предлагаем переходить с трехполья на многополье, мы предлагаем целый ряд новых улучшенных способов земледелия и животноводства, мы говорим о необходимости лучшего учета всех элементов хозяйства, об их лучшем, более целесообразном и более правильном использовании; наша агропропаганда вся пропитана такого рода предложениями, и крестьянство, в особенности его наиболее сознательные и наиболее культурные слои, так-называемые «крестьяне-передовики», охотно идут по этой линии. Но если мы предлагаем крестьянину лучше учитывать все то, что у него есть в хозяйстве, и лучше это учтенное использовать, то, само собой разумеется, всякий произвол и все непредвиденное, что идет со стороны Советской власти, приходит в резкое противоречие и резкое столкновение с нашей собственной пропагандой и с требованием правильности в ведении хозяйства. В самом деле, как может крестьянин рассчитать, что ему необходимо сделать и какие затраты произвести, если он, например, не будет совершенно точно знать, как и в какие сроки ему придется вносить сельхозналог?

Как он будет правильно вести свое хозяйство, если на него может сыпаться град совершенно непредвиденных распоряжений, и если нет твердой, заранее известной системы законов, подлежащих строгому и безусловному выполнению? Эта новая обстановка, в корне отличающаяся от военной обстановки времен гражданской войны, властно требует правильной постановки всего дела управления; она требует такого рода управления, которое опиралось бы на заранее известные законодательные постановления, могущие быть учтенными, принятыми во внимание, заранее. Пере-

ход к революционной законности, к строгому выполнению декретов Советской власти, переход к уничтожению, решительному и безоговорочному, остатков административного произвола, есть поэтому одна из основных черт, характерных для нового периода в развитии нашей революции.

Вовлечение масс точно так же становится в настоящее время задачей, гораздо более необходимой, чем в предыдущий период. Общекультурный под'ем и рост политической активности всех решительно слоев трудящихся, в том числе и крестьянства, гораздо большее количество свободного времени, чем раньше, в мучительные годы гражданской войны, улучшение материального положения вместе с хозяйственным ростом,—все это заставляет Советскую власть обратить гораздо большее внимание на крупнейшую и благодарнейшую задачу все более решительного привлечения к государственным делам широких слоев трудящегося населения. Нужно иметь в виду, что в теперешних условиях, более, чем когда бы то ни было, важно для рабочего класса повернуть разбуженную политическую энергию крестьянства по тому руслу, которое укрепляет союз крестьянства и рабочего класса. И именно для того, чтобы укрепить руководство со стороны рабочего класса, необходимо в настоящее время, т.-е. в период «мирно-организаторский», употреблять все усилия, чтобы сделать все возможное для переработки крестьянства в необходимом духе. Важнейшим способом такого рода воспитания крестьянства является привлечение его, в лице его беспартийных передовиков, прежде и раньше всего, к работе в наших советских органах. Именно здесь, учась на этой работе пониманию обще-государственных задач, и будет происходить эта переработка, а с другой стороны, только таким путем, т.-е. путем привлечения широких масс и в деревне, и в городе можно будет с бо́льшим успехом вести борьбу против бюрократизма, язвы, которая еще до сих пор раз'едает наш государственный организм.

Наконец, для наиболее активного людского ядра наших советских органов, а именно для членов нашей партии, руководителей этих советских органов, является в текущий период необходимым изживание методов команды

и приказа и решительный, полный и безоговорочный переход к методам убеждения.

Вся эта система мероприятий послужит делу упрочения и развития советской системы, как особой формы государственного строя и будет обеспечивать все более и более рост (материальный, политический и обще-культурный) самых широких слоев трудящейся массы.

Можно, вообще говоря, сказать, что политический строй тем более хорош, тем более представляет собою шаг вперед по сравнению с историческим прошлым, чем большему количеству людей он дает возможность расти. Капиталистический строй ограничивает эти возможности слоем избранных: буржуазия, буржуазная интеллигенция, помещики и т. п. Громадные массы трудящихся остаются за бортом этого движения. Возможности приподняться, постоянно переходить на все более и более высокие ступеньки,—этой возможности нет для трудящихся масс, т.-е. для основной массы человечества, при капиталистическом режиме. Если мы будем оценивать Советскую власть с этой точки зрения, то мы легко увидим, что она представляет из себя самую лучшую из всех существовавших до сего времени форм государственной власти. Не в том дело, что мы уже достигли всего, чего хотим достигнуть (мы делаем лишь первые шаги в направлении к социализму и в направлении к необыкновенному культурному под'ему народных низов); дело в том, что в эту сторону повернут руль общественного развития, и рулем этим, который определяет собою возможность такого небывалого культурного под'ема и движения по направлению к нему, является Советская власть.

XIII. Экономическое неравенство и его преодоление.

Коммунистический строй есть высшая ступень развития человеческого общества, при котором производительные силы этого общества, степень власти человека над природой, далеко превосходят даже ту ступень технического развития, которой отличался капиталистический порядок времен своего расцвета; а на-ряду с этим коммунистическое общество представляет собою такую хозяйственную организацию, где господствует полное равенство между людьми, и где отсут-

ствует всякая эксплоатация человека человеком, а также и всякая команда, всякое насилие одних людских групп над другими. Стоит только сравнить между собой это состояние человеческого общества с тем его состоянием, в котором мы получаем его в наследство от капиталистического строя, чтобы понять, какую поистине грандиозную работу, работу, которой хватит на целый ряд десятилетий, необходимо произвести, чтобы подняться на эту наивысшую ступень человеческого развития. Совершенно понятно поэтому, что всего-навсего лишь через несколько лет после завоевания рабочим классом власти нельзя и думать об уничтожении сразу всякого вообще неравенства и всякой нищеты. Но в то же самое время необходимо всемерно ускорять наш путь к коммунизму, а для этого необходимо, в свою очередь, иметь совершенно ясное представление о том, каким образом будет постепенно преодолеваться существующее у нас еще до сих пор неравенство между людьми.

Рассмотрим по порядку главные виды этого неравенства, имеющиеся в настоящее время у нас в экономической области. Прежде всего, бросается в глаза неравенство материальных условий существования между городом и деревней. Мы уже писали в предыдущих главах о том, что капиталистический способ производства неизбежно вызывает деревенскую отсталость, задерживает развитие сельского хозяйства по сравнению с промышленностью и превращает город в исключительное сосредоточение всех основных жизненных удобств. Такое соотношение между городом и деревней достается в наследство захватившему власть рабочему классу и поддерживающему его крестьянству.

Мелкое хозяйство крестьянина чрезвычайно далеко отстает от современной фабрики с ее техническими усовершенствованиями. Мелкое крестьянское хозяйство точно так же отстает от этой фабрики и по внутреннему своему устройству, по организации труда. В результате производительность труда в этом мелком крестьянском хозяйстве чрезвычайно низка, приходится затрачивать громадные массы этого труда, чтобы получать сравнительно ничтожный результат. Каким образом может быть изжито такого рода неравенство между городом и деревней? Было бы совершенно бессмысленным решать его каким-либо механическим путем,

одним ударом, одним каким-либо мероприятием. Можно, конечно, представить себе дикую мысль о растаскивании по кирпичикам всех крупных городов со всеми крупными городскими предприятиями, машинами, электрическими установками и т. д. Но это, ведь, ни капли не поправило бы дела. Прежде всего, потому, что это повлекло бы за собой подрыв и разрушение крупной промышленности, которая, как мы уже видели, служит основным источником для оплодотворения самого сельского хозяйства, поставляя ему машины, орудия труда и целый ряд предметов, необходимых для улучшения сельскохозяйственного производства, а равно и науку, которая все более и более является решающей силой в области сельскохозяйственного производства. Такого рода мысль была бы поистине безумной мыслью, и люди, находящиеся в здравом уме и твердой памяти, должны ее сразу же отбросить. Совершенно естественно, наоборот, притти к выводу, что лишь при помощи городской промышленности, руководимой рабочим классом, этим верным помощником крестьянства, можно будет поднимать деревню; и не путем разрушения городов, а путем сближения промышленности с деревней и путем хозяйственной и технической помощи этой деревне мы будем постепенно заполнять ту пропасть, которую создала между городом и деревней вся предыдущая история развития человеческого общества. Задачей рабочей партии и задачей Советской власти является именно устранение этого противоречия между городом и деревней. Постепенно мы должны будем строить новые заводы, электрические станции и тому подобные крупные производственные промышленные единицы не только в городских центрах, но и среди сел и деревень, разбрасывая эти предприятия по всей стране и делая их рассадниками и очагами культуры, грамотности, хозяйственных улучшений, политической сознательности среди крестьянского населения страны.

Техническая помощь города, в особенности электрификация, а на-ряду с этим кооперирование крестьянских хозяйств, которое, как мы уже знаем, определяет столбовую дорогу в нашей деревне к социализму, явятся мощным рычагом под'ема, возрастания деревни, и мало-помалу материальные условия существования в городе и деревне будут выравнены, и притом, по сути дела, с величай-

шей пользой для той и другой стороны. Городской житель, запертый в каменных мешках современных городов, не видящий природы и обреченный в таких условиях, несмотря на относительное материальное благосостояние, на вырождение, выиграет от своего приближения к этой природе. И наоборот, житель деревни, чрезвычайно выиграет от того, что повысится производительность его труда, и что он будет, наконец, пользоваться всеми теми благами культуры и цивилизации, которые раньше приходились на долю одних наших врагов. Само собой понятно, что для достижения такого рода общественного строя необходимы громадные перемены, произвести которые возможно лишь в течение долгих и долгих лет. Но, тем не менее, мы уже сейчас видим, как мы вступили на этот путь.

Внутри города, в свою очередь, мы наблюдаем в настоящее время точно так же чрезвычайно резкое и бросающееся в глаза неравенство. Стоит только сравнить нэпманов и уровень их жизни с жизнью беспризорных и голодающих детей, или даже с толпами безработных, чтобы увидеть, как далеки еще мы от того идеального состояния, которое мы поставили себе задачей. Если мы расположим различные уровни жизни в порядке их нисходящей величины, то мы получим целую лестницу разрядов, довольно резко отличающихся друг от друга. Если взять одни лишь крупные подразделения, то все эти разряды можно, примерно, изобразить в таком виде:

1) Новая буржуазия (нэпманы), получающая прибыль за счет эксплоатации чужого труда,, будет ли то прибыль с промышленного предприятия, будет ли то торговая прибыль или барыш поставщика, или спекулятивный барыш, или какой-нибудь другой вид так-называемого «нетрудового дохода». Очень часто уровень жизни лиц этой категории подходит под тот уровень, который был характерен для не особенно крупных капиталистов довоенного времени.

2) Высшие советские служащие, главным образом служащие хозяйственных учреждений и хозяйственных органов (директора трестов, члены правлений синдикатов, крупные незаменимые спецы и т. д.).

3) Так-называемые ответственные работники вообще.

4) Квалифицированные рабочие.

5) Неквалифицированные рабочие.

6) Безработные, люмпен-пролетариат (люди, выбившиеся из колеи, хронические безработные, нищие и т. д.).

Вся эта картина наглядно показывает нам опять-таки, насколько мы далеки еще от того, чтобы достигнуть равенства даже в пределах города, который является пока-что центром нашей работы, и где резче всего выражено господство пролетариата. И тем не менее, мы уже ясно видим, что развитие нашего общества необходимо поведет, при правильной политике со стороны нашей партии и Советской власти, к смягчению этих противоречий, к их преодолению и к их уничтожению. В самом деле, возьмем, прежде всего, наиболее яркое проявление неравенства—неравенство в материальном положении буржуазии (нэпманов) и положении рабочего класса в его целом. Как будет изживаться это неравенство? Это нетрудно сообразить после всего того, что было уже нами сказано.

Ведь, под'ем нашего государственного хозяйства, а равно и кооперации, будет сопровождаться вытеснением частно-предпринимательской формы хозяйства. Еще до того, как эти формы совершенно погибнут и отомрут, сдаваясь перед победоносным шествием развивающихся социалистических хозяйственных отношений, под'ем государственной промышленности будет повышать заработную плату рабочего класса, а, с другой стороны, система налогового обложения будет ограничивать дальнейший рост жизненного уровня новой буржуазии. Окончательное вытеснение частно-капиталистического хозяйства, окончательная победа над ним доведет дело до конца, и это основное противоречие, это основное неравенство в городах будет таким образом уничтожено. Довольно сложно обстоит вопрос относительно неравенства между высшими кадрами советских служащих и руководителей, с одной стороны, и средним рабочим—с другой. В числе этих высших и ответственных служащих Советской власти имеются, на-ряду со всевозможными специалистами, и бывшие рабочие из наиболее талантливых и культурных «рабочих-передовиков» (например, красные директора

и т. п.). Совершенно очевидно, что это неравенство вытекает, в своей самой глубокой основе, из культурной отсталости рабочих масс, которые были в капиталистическом обществе классом эксплоатируемым, политически угнетенным и культурно придавленным. Для выполнения сложной работы по управлению хозяйством и для ведения целого ряда других подобных работ в других областях управления страной необходим большой запас знаний, опыта, умения. Количество людей из рабочего класса, которые оказались способными выполнять такую роль и научились ей за время революции, а отчасти получивших опыт в руководстве массами и в политической борьбе еще до победы рабочего класса, сравнительно само по себе мало. Вполне понятно, что далеко не вся рабочая масса в целом могла подняться до такого уровня. С другой стороны, разного рода специалисты, которые были таковыми еще и при капиталистическом режиме и накопили большой опыт, научный, управленческий, хозяйственный и т. п., являясь необходимыми для жизни и для дела управления людьми в теперешних условиях, точно так же представляются до известной степени незаменимыми силами: вся рабочая масса, в целом, всеми своими составными частями, точно так же не могла еще за короткий срок достигнуть такого высокого культурного уровня. Выполнение же подобного рода работы требует само по себе довольно значительной оплаты, обеспечивающей соответствующий образ жизни. Между тем, давать такую же плату всем рещительно слоям рабочего класса при теперешней степени развития производительных сил представляется невозможным и неосуществимым. Если бы все рабочие обладали таким же высоким культурным уровнем, то руководящие должности могли бы заниматься по очереди или лишь на определенный срок, и, таким образом, на так-называемых «ответственных постах» постоянно стояли бы все новые и новые работники, так как в любой деятельности можно было бы одного в любое время заменять другим. Но здесь-то и дает себя знать неравенство культурного уровня и еще большая отсталость масс. Опять-таки здесь нужно отметить, что это вовсе не вина этих масс, а их беда; таковыми их сделали десятилетия капиталистического господства. Однако, задачей рабочего класса, который за годы революции чрезвычайно быстро учится в

самом ходе борьбы все большему участию своему в активном строительстве социализма, а также все больше обучается в специальных учреждениях (разного рода рабочих организациях, клубах, партийных и советских школах, рабфаках и даже ВУЗ'ах), задачей этого рабочего класса является преодоление такого рода отсталости в своей собственной среде. Понятно, что не вся масса рабочего класса движется совершенно одновременно, всеми своими слоями. Как не все рабочие могут, при настоящих условиях, стоять на командных постах и занимать совершенно одинаковые места в системе управления, точно так же не могут, в силу совершенно понятных причин, все рабочие поголовно быть пропущенными через среднюю и высшую школу.

До более или менее высокого уровня современной науки и техники рабочий класс поднимается, если можно так выразиться, пачками, сравнительно небольшими своими отрядами, к которым год за годом будут прибывать все новые и новые пачки, все новые и новые отряды, пока развитие производительных сил нашей страны не создаст достаточного экономического фундамента для того, чтобы дети всех рабочих совершенно нормальным порядком проходили через средние и высшие учебные заведения, через соответствующую практику и, таким образом, вступали в жизнь, преодолевши всяческое, создававшееся прежде, культурное неравенство внутри трудящихся.

В ослабленной степени то, что мы говорили только-что о различии между наиболее культурными из рабочих-передовиков, а равно прежних специалистов, с одной стороны, и рабочей массой вообще—с другой, годится и для вопроса о неравенстве между различными слоями рабочего класса, различными в смысле различной квалификации их труда (например, металлисты—с одной стороны, землекопы, строительные рабочие и т. д.—с другой). Механика Советской власти, советского режима в целом, направление всей политики пролетарской диктатуры состоит как-раз в том, чтобы, поднимая культурный уровень широких рабочих масс, тем самым уничтожать «неза ме-

Аграрного
ИНСТИТУТА

нимость» наиболее передовых слоев самого рабочего класса, уничтожать разницу культурных уровней и уничтожать разницу материальных условий существования. Конечно, мы никогда не достигнем полного равенства людей в том смысле, что люди будут совершенно одинаковы по своему уму, по своей талантливости, по цвету своих волос или форме носа, и совершенно это не нужно. Такое равенство было бы, как две капли воды, похоже на отчаянную скуку. Не в этом заключается цель наших стремлений. Цель наших стремлений заключается в том, чтобы достигнуть равенства материальных условий существования, чтобы всем обеспечить нормальные условия развития и, таким образом, дать возможность итти вперед всей массе и выделяться наиболее талантливым и способным не из узкого круга «образованных людей», отделенных перегородками от остальных, а из всего огромного трудящегося человечества.

И здесь нетрудно понять, что это неравенство, вытекающее из очень глубоких причин, не может быть уничтожено одним взмахом. Можно было бы, конечно, в один прекрасный день издать декрет, по которому все решительно высшие советские служащие, все инженеры, все профессора, все директора трестов и т. д. получали бы столько же, сколько получает простой поденщик. Но мы скоро убедились бы, что при таком положении вещей рабочий класс в целом не выиграл бы, а проиграл; он проиграл бы потому, что при таких условиях работа на этих командных должностях пошла бы неизмеримо туже, дело в значительной степени было бы дезорганизовано, и общие успехи сменились бы положением застоя или попятным движением. Рабочему классу выгоднее лучше содержать свою собственную верхушку, а равно и выходцев из буржуазного мира, так-называемых специалистов, ибо в таком случае он достигнет в гораздо более короткий срок общего повышения производительных сил и за счет этого повышения может гораздо быстрее улучшить свое собственное положение, а с определенного времени, используя этот рост производительных сил, начать усиленнейшее производство «образованных людей» из все более широкой массы своего собственного клас-

са и трудящихся вообще. Из этого, конечно, не следует, что нужно перебарщивать с высокой оплатой; наоборот, с такого рода «перебарщиваниями» партия должна вести упорную борьбу.

Внутри деревни, наконец, мы имеем точно так же различные слои крестьянства, жизненный уровень которых отличается друг от друга довольно резко. Стоит сравнить кулака с батраком, или с крестьянином-бедняком. Но это коренное противоречие, характерное для современной деревни, будет точно так же медленно уничтожаться по мере роста производительных сил и по мере под'ема государственного и кооперативного хозяйства. Мы уже видели раньше, что мы будем все более и более в состоянии оказывать помощь хозяйству середняков и бедноты, которая будет переставать быть беднотой, а с другой стороны, путем целого ряда мероприятий, мы будем обрезывать и хозяйственно вытеснять предпринимательские слои крестьянства, т.-е. сельскохозяйственную буржуазию. Таким образом, и здесь основной линией нашего развития через определенный промежуток времени, когда начнут еще более быстро подрастать социалистические формы нашего хозяйства, является линия на уничтожение, на преодоление экономического неравенства, существующего теперь.

Нужно видеть всю глубину нищеты, темноты, культурной отсталости, неравенства, оставленных нам в наследство капиталистическим порядком вещей, чтобы понять, сколько времени потребуется на переделку всего человеческого материала и на преодоление этого проклятого наследства. Но уже теперь, мы видим под'ем социалистических форм народного хозяйства, что является главной гарантией, обеспечивающей действительную и реальную политику, ставящую своей целью осуществление экономического равенства. А, с другой стороны, уже и теперь мы замечаем, как следующее поколение рабочих и крестьян во все большем масштабе, сплошной массой поднимается к новой культурной жизни, чему способствует работа нашей партии, чему способствует вся деятельность и вся политика Сове́тской власти. Раньше лишь одиночки из рабочих и крестьян могли попадать в высшие учебные заведения; теперь с каждым годом во все более широких размерах целые большие слои подрастающего

поколения трудящихся уже систематически, так-сказать, «в нормальном порядке», проходят через рабфаки и поступают в наши высшие школы. Раньше обычно лишь в зрелом возрасте трудящийся человек вступал в активную политическую жизнь; теперь мы имеем около полутора миллиона одних членов комсомола, сынов рабочих и крестьян, которые более или менее равномерно приобщаются с юного возраста к активной обще-политической и обще-культурной работе; а поколение еще более молодое—юные пионеры—начинает охватывать огрмные круги людей, которые уже с самого юного возраста воспитываются, растут и учатся работать на иной культурной основе, чем предшествующие поколения.

Завоевание власти пролетариатом не может создать исторического чуда, один только факт победы над буржуазией в гражданской войне не обеспечивает сразу и немедленно равенство между людьми. Но это завоевание власти и укрепление рабочей диктатуры в стране, в конце-концов, создает такого рода условия, при которых отчетливым становится наше движение по направлению к этому экономическому равенству.

XIV. Политическое неравенство, его преодоление и уничтожение политики вообще.

Перейдем теперь к рассмотрению того неравенства, которое у нас имеется в области политической, в области политических прав. Здесь, прежде всего, необходимо перечислить те факты, в которых находит свое выражение это политическое неравенство.

1) По нашему законодательству не имеют избирательных прав люди, живущие на нетрудовой доход (нэпманы, кулаки, всякого рода лица, эксплоатирующие для получения прибыли рабочую силу в том или ином виде). «Страдающими лицами» являются здесь, таким образом, такие слои населения, которые по своему материальному благосостоянию и по уровню своей жизни стоят на самой высокой ступени, являются в нашем строе осколками прежнего капиталистического общества, прежних господствующих классов, которые теперь попали под железную руку пролетарской диктатуры.

2) Трудовое крестьянство не имеет таких же прав, как пролетариат, потому, что оно выбирает равное число делегатов при выборах в советские органы власти от значительно большего количества избирателей, чем рабочий класс в городах и фабричных поселках. Здесь есть, таким образом, налицо неравенство политических прав между рабочим классом—с одной стороны, трудящимся крестьянством—с другой, при чем это неравенство совершенно очевидно склоняется к перевесу прав на стороне рабочего класса.

3) Пролетариат пользуется политическими преимуществами (привилегиями) и в нашем законодательстве занимает первенствующее положение.

Причины такого рода законодательства, закрепляющие политическое неравенство между различными классами нашего общества, довольно ясны и довольно понятны. У нас имеются налицо три класса: рабочий класс, широкая крестьянская масса и, наконец, допущенная к сотрудничеству в обществе буржуазия. Мы знаем, что если мы хотим обеспечить коренные интересы трудящихся, то необходимо обеспечить руководство пролетариата и его союз с крестьянством против буржуазии; мы знаем точно так же, что крестьянство склонно, в силу своего социального положения, а также в силу особых трудностей момента, переходить временами к колебаниям в сторону этой буржуазии, и, наконец, мы знаем, что если бы новая буржуазия возрастала, укреплялась, расправляла свои крылья и осиливала рабочий класс в борьбе за крестьянство, то отсюда проистекли бы неизбежные опасности подрыва всего дела революции. Рабочий класс в нашей стране является наиболее сознательной силой, но он, по своей численности, насчитывает, примерно, лишь одну десятую крестьянского населения. Для того, чтобы руль не вырвался из его рук, необходимо на данной ступени развития, прежде и раньше всего, политически обезвредить буржуазию, и не дать ей возможности распространять свое политическое влияние на крестьянство и на промежуточные мелкобуржуазные городские слои. Отсюда вытекает и лишение политических прав частных предпринимателей, купцов, лавочников, торговцев кулаков, нэпманов вообще.

Из того обстоятельства, что крестьянство склонно к величайшим колебаниям, и что существует опасность, в

силу которой темнота и некультурность крестьянства, в связи с его социальным положением, может толкнуть его, иногда вопреки его же собственным коренным интересам, итти за буржуазией, вытекают известные преимущества и политические привилегии, имеющиеся в нашем законодательстве по отношению к рабочему классу. Эти преимущества и привилегии служат добавочной страховкой, обеспечивающей руководящую роль рабочему классу в нашей стране.

Что касается ограничения или лишения избирательных прав всяческой буржуазии, то вряд ли кто-либо из трудящихся будет против этого возражать; против этого могут возражать лишь явные или тайные приверженцы этой буржуазии, в роде меньшевиков и эсеров, которые ни капли не верят в возможность осуществления на деле социалистического строя, о котором так много болтают на словах. Им до сих пор кажется, что в России произошла какая-то историческая случайность, что развитие нашего общества неизбежно пойдет по капиталистическому пути, и что, чем скорее лопнет Советская власть, чем скорее кончится этот тяжелый сон (для буржуазии), тем будет лучше. Для всякого человека, который всерьез верит словам о социализме, и для которого, следовательно, слово не расходится с делом, который верит в необходимость и возможность построения социалистического общества, и который отнюдь не хочет возврата к капиталистическому строю,—для такого человека более чем понятно ограничение и лишение политических прав буржуазных элементов в нашей стране.

Неизмеримо сложнее является вопрос о политическом неравенстве между рабочим классом и крестьянством. Здесь люди очень часто подменяют трезвые рассуждения моральными, которые ничего общего с политикой не имеют. Говорят, например: разве крестьянин не трудится иногда больше, чем рабочий? Где же справедливость, когда вы ему даете меньше политических прав, чем городскому рабочему? Разве крестьянство не составляет огромнейшего большинства населения в нашей стране? Почему же, если большинство трудящихся состоит из крестьян, почему же пролетарское меньшинство должно искусственно навязывать свою волю огромнейшему большинству трудящихся? Крестьянин не дармоедствует, он не паразитствует,

он—не буржуа, а трудящийся. Где же опять-таки здесь хотя бы самая элементарная (простая) справедливость? И не есть ли это отступление от заветов равенства среди трудящихся, на которых только и можно строить настоящий мост к социализму?

Такого рода рассуждения, кажущиеся иногда убедительными, страдают, однако, тем основным пороком, что они, вместо трезвого учета сил и вместо трезвого обсуждения вопроса, говорят лишь жалкие слова. Если уж зашла речь о справедливости, то вопрос нужно поставить таким образом:

Справедливо или несправедливо было бы, если бы мы проворонили все дело социализма? Справедливо или несправедливо было бы, если бы мы дали возможность буржуазии околпачить нас и возвратить старый порядок вещей? Стоит только таким образом поставить вопрос, чтобы получить на этот вопрос сразу же отрицательный ответ. Конечно, было бы в высшей степени «несправедливо», а попросту говоря, прямо глупо, если бы мы действительно проворонили дело социализма. Но, ведь, мы знаем, что дело социализма не только не противоречит коренным интересам всех трудящихся, но что, в конечном счете, от осуществления социализма выиграют не только рабочий класс, но и широкие крестьянские массы. Следовательно, и с точки зрения рабочего класса, и с точки зрения коренных интересов крестьянства, провал социализма был бы с нашей стороны прямым политическим преступлением, если бы мы провалили наше дело по своей собственной вине.

Но, ведь, мы знаем и мы твердо уверены в том, что мы можем притти к социализму только и исключительно при условии союза рабочего класса и крестьянства; мы знаем, что мы придем к победе только и исключительно при руководстве рабочего класса в этом союзе. Мы знаем, что подрыв пролетарской диктатуры, т.-е. подрыв этого руководства, есть подрыв всего дела социализма. Вот почему мы должны принять все меры для того, чтобы это руководство обеспечить. И если в настоящее время еще есть опасность известных колебаний со стороны крестьянства или его некоторой части, при чем эти колебания на деле идут про-

тив коренных интересов этого же самого крестьянства, то мы должны пойти на известное политическое неравенство между пролетариатом и крестьянством для того, чтобы дать в руки пролетариату некоторую добавочную гарантию, обеспечивающую за ним руководящую роль.

В конце-концов, как нетрудно понять, такого рода политика не только не противоречит, но, наоборот, выражает коренные интересы крестьянства, которые очень часто, благодаря отсталости и темноте крестьянского населения, прикрыты от его глаз пеленой временных или кажущихся, или второстепенных и производных интересов, менее важных и менее существенных для крестьянства, интересов, которыми нужно уметь жертвовать ради интересов более основных и более коренных.

Рабочий класс и его партия говорят об этом политическом неравенстве между пролетариатом и крестьянством совершенно открыто, признавая перед всеми существование этого неравенства; но точно так же мы открыто говорим, что эти привилегии рабочего класса являются лишь временными и будут исчезать по мере роста сознательности и по мере переделки нашей крестьянской массы. Чем дальше будет итти вперед дело социалистического строительства, чем больше и больше будут отходить на задний план оставшиеся еще у буржуазии силы, и чем больше и быстрее будут укрепляться социалистические формы нашего народного хозяйства; чем крепче, следовательно, будет фундамент экономической смычки между рабочим классом и крестьянством, а следовательно, чем больше будет политическое влияние пролетариата на это крестьянство,—тем меньше будет необходимости в этих привилегиях для рабочего класса. Они будут постепенно все уменьшаться и сделаются, в конце-концов, совершенно излишними. А общее дальнейшее укрепление пролетарского влияния и переработка в социалистическом духе широких масс трудящихся сделают неопасным противоположное влияние со стороны даже оставшихся буржуазных элементов, и, таким образом, мы, в конце-концов, перейдем к системе всеобщего и равного избирательного права в наши советские органы.

А если мы посмотрим еще дальше вглубь нашего будущего, то мы увидим такое время, когда все перегородки между классами отпадут, когда уничтожится грань между трудящимися города и деревни, когда исчезнет необходимость в органах государственного принуждения вообще (если только к тому времени будут низвергнуты капиталистические государства в других странах мира), и когда целиком и полностью отомрет всякая политика. Эта политика заменится одним лишь научным управлением и научным руководством общественным хозяйством.

XV. Обеспечение правильной политики руководства и коммунистическая партия.

Мы видели уже раньше, что правильная политика обеспечивается правильным руководством, а правильное руководство обеспечивается совершенно определенным сочетанием различных общественных классов и их организаций друг с другом. Для того, чтобы это руководство действительно было обеспечено, необходимо, чтобы крестьянство шло за рабочим классом, чтобы рабочий класс шел за своими профессиональными союзами, чтобы эти профессиональные союзы, в свою очередь, шли за головным отрядом рабочего класса, за его партией, которая должна являться основной руководящей силой всего рабоче-крестьянского блока.

В нашей жизни имеется, как мы знаем, бесконечное количество всевозможных противоречий: противоречия между классами, противоречия между рабочим классом и крестьянством, противоречия внутри самого рабочего класса, противоречия между различными по своему национальному составу частями нашей огромнейшей страны. Необходимо, чтобы существовала в недрах самого рабочего класса такая сила, которая наиболее ясно видела бы все эти противоречия, стояла бы на дозорной вышке и во-время замечала бы все опасности, умела бы на всех ступенях развития подчинять второстепенное коренному и основному и обнаруживала бы небывалое единство воли и способности к руководству.

Такой организацией рабочего класса и является коммунистическая партия, этот самый передовой отряд пролетариата, отряд, вобравший в себя самые реши-

тельные, самые сознательные, самые передовые и самые смелые элементы рабочего класса нашей страны.

Именно потому, что коммунистическая партия представляет из себя головной отряд рабочего класса и основную руководящую силу в стране, именно поэтому, прежде всего, по ней стреляют все враги рабочего класса: открытые белогвардейцы и сторонники возвращения к помещичье-буржуазному или буржуазному режиму, в роде российских белых монархистов, кадетов и прочих открытых сторонников помещичьего и буржуазного строя; прикрытые враги социализма и прикрытые сторонники капиталистического строя, в роде меньшевиков, так-называемых социалистов-революционеров и т. п. Все они считают своей политической задачей подпилить партийные столбы для того, чтобы вслед за ними свалилось и все здание рабочей диктатуры, Советской власти и был оборван тот путь, на который рабочий класс вступил с первых же дней своей октябрьской победы.

Укрепление влияния партии есть предпосылка, необходимейшее условие пролетарской диктатуры: если нет руководящей роли со стороны партии по отношению к рабочему классу, а затем и к крестьянству, то нет и диктатуры рабочего класса; если нет связи между партией и беспартийными рабочими и крестьянами, тогда не может существовать и быть крепкой Советская власть.

Мы видели выше, что если мы будем рассматривать отношения, складывающиеся внутри рабочего класса, то мы будем иметь во главе этого рабочего класса коммунистическую партию, которая обеспечивает свое влияние на целый ряд других организаций рабочего класса, более широких по своему составу, в первую очередь, на профессиональные союзы, эту чрезвычайно широкую форму организации пролетариата. а с другой стороны, на советы рабочих депутатов, которые представляют из себя государственную форму организации этого пролетариата, опирающуюся на широкие крестьянские слои. Через эти организации, которые, в свою очередь, непосредственно смыкаются с беспартийными рабочими, партия обеспечивает правильное руководство всей совокупностью и всеми составными частями пролетарских масс.

Можно спросить себя, однако: что же соответствует у крестьянства тому, чем у пролетариата является его профессиональная организация?

Если мы берем таких же рабочих, как в промышленности, но только работающих на земле, то речь идет, конечно, о сельскохозяйственных батраках, о сельскохозяйственных наемных рабочих, для которых, конечно, целесообразно иметь точно так же, как и для рабочих тех или других профессий, свой профессиональный союз. Такой профессиональный союз работников земли существует, это есть Всеработземлес. Если мы спросим себя, однако, в чем состоят особые интересы («профессиональные интересы») крестьянина, то мы совершенно ясно увидим здесь, прежде всего, что крестьянин не работает, как рабочий, а работает в своем собственном хозяйстве, и его частно-хозяйственный интерес, который вытекает из его положения, как мелкого самостоятельного производителя, имеющего свое собственное хозяйство, заключается в том, чтобы выгоднее продавать продукты своего хозяйства, чтобы выгоднее покупать те продукты, которые поступают к нему из государственной промышленности и которые необходимы для него и в его качестве потребителя, и в его качестве руководителя своего маленького хозяйства; наконец, для него выгодно иметь более дешовый кредит, который нужен ему в хозяйственной деятельности. Его общий коренной интерес заключается в том, чтобы совместно с рабочим классом не допустить возвращения старого порядка вещей, не допустить образования новых помещиков и постепенно улучшать свое хозяйство на основе все дальше и дальше растущего кооперативного об'единения крестьянских дворов. Но, ведь, все эти задачи решает именно сельскохозяйственная кооперация, а на-ряду с нею такого рода подсобные организации, как кресткомы и проч.

Не нужно, однако, скрывать от себя, что до последнего времени крестьяне еще не получили особого доверия к кооперативному движению. Это происходило, в значительнейшей мере от того, что кооперация у нас страдала многочисленными недостатками, и крестьянин не находил в ней того, что он должен был в ней находить.

Эти недостатки достались нам в наследство от времени военного коммунизма. Теперь их нужно решительнейшим образом изживать. Прежде всего, речь должна итти о полной добровольности кооперации и о внутрикооперативной демократии, т.-е. о выборности

правления и всех должностных лиц. Крестьянин не понесет своих паев и не будет доверять своих денег сплошь назначенным сверху лицам. Он хочет иметь людей, которых он знает, которым он доверяет. Только тогда он будет энергичным образом строить кооперацию, только тогда он будет кровно в ней заинтересован.

Чтобы кооперация сыграла ту роль, какую мы ей отводим, необходимо решить две задачи:

во-первых, задачу хозяйственного укрепления кооперации, т.-е. задачу накопления кооперативного «капитала», задачу роста кооперативных оборотов и так далее;

во-вторых, задачу втягивания масс в дело кооперативного строительства; если этого втягивания масс не будет, то кооперация потеряет одну из самых существеннейших своих особенностей.

Эти задачи нельзя, однако, решить, если не будет проведена добровольность кооперативного членства и полная выборность руководителей кооперативных организаций. Разумеется, партия, опираясь на бедняков и середняков, должна бороться на выборах убеждением. Но сами крестьяне должны выбирать. Тогда самодеятельность крестьянских масс и рост их активности неизбежно приведут к быстрому росту нашей сельскохозяйственной кооперации.

Необходимо, далее, поставить дело так, чтобы избавить кооперацию от излишних задач, которые прямо подлежат решению со стороны государственных органов. Кооперация, конечно, должна быть связана с органами Советской власти, но у нее свои, особые, задачи, наряду с общими задачами. Если бы, например, кооперация стала собирать налог, это было бы неправильно, точно так же, как неправильно было бы, если б в городах профсоюзы рабочих выполняли непосредственно задачи государственного управления фабриками и заводами. Если на кооперацию нагружают такие задачи, которые требуют больших жертв со стороны крестьянства, то, разумеется, туда будут итти не с большой охотой; и не так поэтому нужно вести дело. Кооперация должна стать для крестьянина органом его хозяйственного под'ема. Тогда, при обеспечении выборности и добровольчества, кооперация станет любимейшей организацией

крестьянства. А при связи ее с промышленностью и органами советского государства вообще она сыграет на деле ту роль, которую отводит ей сейчас наша партия.

Оживление советов и под'ем кооперативного движения—основные задачи нашей партии в деревне. Если партия, а вместе с нею и через нее—рабочий класс упрочит свое влияние на крестьянские массы, тогда дело социализма будет обеспечено у нас наверняка.

Мы уже говорили о том, что даже у трудового крестьянина, как это принято говорить, есть «две души»: с одной стороны, он является тружеником, борется с помещиком-капиталистом, а с другой стороны, он является собственником, не прочь сам принанять, если разбогатеет, работничка и поэтому имеет известное уважение к крупным собственникам, т.-е. к буржуа. Это—во-первых, а во-вторых, в среде крестьянства есть различные слои, начиная от эксплоатируемых и кончая эксплоататорами (беднота и кулаки; полубатраки, подрабатывающие частично продажей своей рабочей силы и их наниматели, зажиточные, богатые, так-называемые «мироеды»). Когда крестьянина организует и на него влияет коммунистическая партия (прямо или косвенно, непосредственно включая крестьянина в свой состав или косвенно влияя на него через свое влияние на кооперативы, крестькомы и ряд других организаций), то эта коммунистическая партия организует его трудовую душу, переводит его постепенно на рельсы общественной работы через кооперацию; приучает к этой работе через советы, вовлекая его в дело социалистического правительства, через партию—непосредственно перерабатывая его в том духе, который соответствует целям и задачам социалистического строительства. Если бы в крестьянстве выросла другая партия против коммунистической партии (под каким-угодно названием), она могла бы иметь и неизбежно должна была бы иметь только один смысл, только одно значение, она будет всемерно усиливать, организовывать «нетрудовую душу» крестьянина; она будет организовывать и усиливать как-раз его уклоны в сторону к буржуазии; она будет холить и лелеять, растить и выхаживать как-раз те черты, которые воплощают собою эти колебания крестьянства, вредные для дела социалистического строительства; она, в силу

самого хода вещей, будет неизбежно, так-сказать, натравливать временные и производные интересы крестьянства против коренных и основных интересов, мелкобуржуазные предрассудки против социалистической линии развития, кулацкие замашки против пролетарской солидарности; она не только не будет сглаживать трения между рабочим классом и крестьянством, а она будет обострять эти трения; она не только не будет вести линию на рабоче-крестьянский союз и на добровольное признание пролетарского руководства,—наоборот, она будет ставить своей задачей так-называемое «высвобождение» от пролетарского руководства, что на самом деле означает не что иное, как влияние на крестьянство и руководство крестьянством со стороны буржуазии и идейной агентуры этой буржуазии (эсеров, меньшевиков, трудовиков и тому подобных соглашательских партий).

Таким образом, победа рабоче-крестьянского дела предполагает руководство со стороны коммунистической партии. Но это руководство, в свою очередь, должно опираться на всемерное укрепление советов и кооперации, на под'ем промышленности. Будут правильно решаться эти задачи,—тогда крестьянство наново убедится, что рабоче-крестьянский союз и руководство пролетариата необходимы, как воздух, с точки зрения коренных крестьянских интересов.

XVI. Международная революция и СССР.

До сих пор мы рассматривали все вопросы исключительно с нашей внутренней точки зрения. Между тем, мы, ведь, живем вовсе не одни на земном шаре, а мы окружены капиталистическими государствами, которые боятся нашего роста, и которые по сути дела являются нашими непримиримыми врагами. До сих пор ни в одной стране, кроме нашей, рабочий класс не был в состоянии свалить свою буржуазию и захватить власть в свои руки. Естественно поэтому встает перед нами вопрос: да можем ли мы построить социализм в одной нашей стране без прямой поддержки со стороны победоносного пролетариата других стран?

Мы сумели захватить власть в одной стране, мы сумели отбиться от со всех сторон наседавших на нас против-

ников, мы сумели начать под'ем нашего хозяйства, мы сумели укрепить и упрочить строй пролетарской диктатуры. Но есть ли у нас гарантия от того, что на нас не нападут иностранные хищники, что не будет никаких новых «интервенций» с их стороны? Такой гарантией могла бы явиться лишь победа пролетариата в нескольких других капиталистических странах. Вот почему наши интересы крепко и раз навсегда спаяны с интересами международного рабочего класса и с интересами угнетенного колониального крестьянства, которое в своих возмущениях против гнета империализма подтачивает силы наших злейших противников и врагов. Вот почему наша партия совершила бы измену и предательство по отношению к интересам нашего рабочего класса и крестьянства, если бы она перестала быть партией международной революции. Никогда не нужно забывать ни на одну минуту того обстоятельства, что наше мирное строительство может быть нарушено внезапным прыжком на нас со стороны ближних соседей. Никогда не нужно баюкать себя мечтой о том, будто бы мы оставлены в покое раз и навсегда. И потому неразрывной и нерушимой должна быть наша братская связь с трудящимися массами других стран, с массами, которые являются нашими надежнейшими союзниками и нашей могущественнейшей опорой в стане противника.

По опыту гражданской войны, по опыту прошлой интервенции капиталистических держав, которые поддерживали всех взбунтовавшихся контр-революционных генералов, мы знаем, какую огромную помощь уже тогда принес нам международный пролетариат, все время державший за фалды свою буржуазию, не раз мешавший ей успешно проводить ее палаческое дело в нашей стране. Всем известны бунты французских матросов в Одессе, всем известно, как с архангельского фронта ушли английские отряды, все знают, что неоднократно рабочие массы Европы мешали посылке войск, снарядов и оружия, направлявшихся нашим противником для расправы с молодыми советскими республиками. Этот опыт показывает нам, что международная пролетарская солидарность, что солидарность трудящихся вообще, не есть просто красное словцо, которым можно утешать себя и которым можно забавляться по праздничным дням. Нет, это

самое реальное дело, которое имеет громаднейшее практическое значение для вопроса о всей нашей судьбе, о всем нашем будущем, о путях всего нашего развития.

Таким образом, окончательной гарантией от восстановления старого порядка, принесенного на штыках иностранных армий, может служить лишь международная революция, приверженцем, сторонником и носителем которой должна быть наша партия.

Но, может-быть, нам суждено погибнуть не от нападения внешнего врага, а от нашей собственной отсталости, от того, что, не имея технической и экономической помощи со стороны победоносного пролетариата других стран, не имея этой помощи в течение довольно долгого срока, мы неизбежно падем жертвой своей отсталости, своего экономического слабосилия? Быть-может, мелкобуржуазный характер страны, подавляющее большинство в ней крестьянского населения, незначительность рабочего класса, к тому же обессиленного долгими годами империалистической и гражданской войны, приведут с «железной необходимостью» к краху всего нашего строительства?

Такие утверждения, выражающие глубочайшее неверие в силы нашей революции, совершенно неправильны и ни на чем ровно не основаны. Правда, отсутствие помощи, технической и экономической, со стороны рабочего класса других стран, который, к сожалению, еще не пришел к власти, чрезвычайно замедлит наш хозяйственный рост, а вместе с ним и весь темп социалистического строительства в нашей стране. Получи мы такую добавочную помощь, мы, конечно, пошли бы несравненно быстрее по пути хозяйственного под'ема, а вместе с тем сравнительно быстро стали бы развертывать все дело нашего строительства: и в области экономической, и в области политической, и в области культурно-бытовой, и в области всевозможных наук и так-называемой «духовной культуры». Конечно, без такой помощи мы пойдем медленнее в своем развитии, но мы все же будем неуклонно итти вперед, как то уже с достаточной ясностью показал опыт первых лет, свободных от граждан-

ской войны и от непосредственной работы на поле сражения.

В самом деле, на протяжении этой брошюры мы не раз уже говорили о том, что, поднимая производительные силы всего нашего народного хозяйства в целом, мы в то же самое время замечаем все больший рост социалистических форм в нашем народном хозяйстве и таких форм этого народного хозяйства, которые все более и более развиваются по социалистическому пути. Никак нельзя сказать, что в хозяйственной борьбе частно-предпринимательского капитала всех его видов и оттенков, с одной стороны, и государственных предприятий и кооперации,—с другой, частный капитал выходит победителем. Наоборот, мы знаем, что он относительно отступает на задний план, что все сильнее и могучее становятся хозяйственные командные высоты, и что, таким образом, дело социализма идет вперед. Если оно шло вперед уже в первые годы мирного времени, то где же основания утверждать, что в дальнейшем мы будем иметь попятное движение? Где хоть тень доказательства или тень намека на доказательство того, что в последующие годы условия развития будут более неблагоприятны для государственного хозяйства и кооперации, чем они были в первые годы нашего хозяйственного под'ема? Наоборот, если таких доказательств нет, то можно, с другой стороны, указать на целый ряд причин, которые говорят о вероятности гораздо больших успехов в будущем. Все больше и больше будут обнаруживаться преимущества крупного производства вообще; все большая экономия и выгода будет получаться для государственного хозяйства от роста его плановости, т.-е. планомерного и наиболее целесообразного использования всех материальных средств и рабочей силы этого хозяйства; все большие суммы будут находиться в распоряжении государственной власти, которая будет в состоянии с большей широтой помогать делу организации крестьянства через строительство кооперации и т. д., и т. п.

По сути дела мы уже теперь доказали, что можно строить социализм даже без непосредственной технико-экономической помощи из других стран. Правда, формы нашего социализма в ближайший период его строительства будут неизбежно формами отста-

лого социализма, но это не беда потому, что даже и эти формы гарантируют нам все дальнейшее и дальнейшее продвижение вперед к формам социализма, все более совершенным и все более полным.

Нужно помнить, что даже капиталистический строй, который развивался в течение ряда столетий, на закате своего развития, в свою империалистическую эпоху, имел, несмотря на такой почтенный возраст, различные формы и различные, так-сказать, «национальные черты». Американский капитализм еще и сейчас довольно сильно отличается от французского, германский—от английского и т. д., и т. п. Американский капитализм носит резко выраженные черты монополистического капитализма с господством банков, сросшихся с могучими организациями отечественной промышленности (тресты). Французский капитализм—это капитализм по преимуществу ростовщического типа, со сравнительно слабо развитой внутри страны промышленностью, капитализм, дающий деньги в ссуду другим государствам, сосущий эти другие государства и отличающийся чрезвычайно малой производственной деятельностью внутри страны; в его лоне приютились и мелкие крестьянские хозяйства, тогда, как, например, в системе английского капитализма этот капитализм пожрал уже целиком хозяйство свободного крестьянина и сумел соединить черты мирового грабителя с энергичной деятельностью по развитию своей собственной отечественной промышленности. Русский капитализм точно так же имел свои особые черты. Эти черты заключались, прежде всего, в том, что капиталистический строй вообще у нас был слабо развит, если брать все народное хозяйство страны в его целом. Это находило свое выражение в том, что в системе российского капитализма громаднейшее значение имело мелкое крестьянское хозяйство, барин-помещик полукрепостнического типа (вместо капиталиста-помещика, употребляющего наемный труд); громадное значение имела также мелкая промышленность (ремесленники, кустари), которую далеко не успел слопать в своем победоносном шествии крупный капитал. Но в то же самое время, если взять одно лишь крупное промышленное производство, то в области этого крупного промышленного производства мы имели очень значительный процент так-называемых «гигантских предприятий» (свыше 10.000 рабочих, в роде морозовских ма-

нуфактур, южно-русских сталелитейных заводов и т. п. промышленных гигантов). Это об'ясняется, в значительной мере, влиянием иностранного капитала, который насаждал в нашей стране огромные предприятия, оборудованные часто по последнему слову западно-европейской техники.

Вот это соединение страшного, полукрепостнического варварства и страшной хозяйственной отсталости вообще с самыми передовыми формами, до которых дошел западно-европейский капитализм, и составляло отличительную особенность российского капитализма, его, как это называют, «национальное лицо».

Но, ведь, движение к социализму начинается не с пустого места; движение к социализму начинается после захвата политической власти в руки рабочего класса, при чем на долю этого рабочего класса достается наследство, оставленное ему капиталистическим строем. После вышесказанного совершенно ясно, что это наследство в разных капиталистических странах будет выглядеть по-разному. И если капитализм в разных странах имел свои особенности, то совершенно понятно, что и социализм в первый период своего развития, до слияния всех стран мира в одно единое целое, неизбежно будет отличаться точно так же своими особенностями, которые вытекают из особенностей предыдущего развития. То, что у нас налицо имелось сочетание передовых капиталистических крупных предприятий с крайне отсталыми хозяйственными формами, неизбежно накладывает свою печать и на формы строящегося в нашей стране социализма из наличия мелких торговцев и мелких предпринимателей вытекает, что они останутся существовать еще известное количество времени и при нашем режиме; из наличия огромнейших слоев крестьянства, с его неизмеримо крупным хозяйственным значением в нашей стране, вытекает, во-первых, сравнительно долгий путь к достижению полного социализма, во-вторых, огромнейшее значение сельскохозяйственной кооперации, как столбовой дороги развития крестьянского хозяйства к социализму; а из наличия крупных предприятий, об'единяющих в своих стенах многие

тысячи пролетариев, вытекает самая возможность пролетарского руководства в нашей стране.

В других странах (если не говорить о колониях), например, в Англии, где крестьянское хозяйство играет совсем маленькую роль, формы организации народного хозяйства будут неизбежно другими, и ход развития будет отличаться гораздо более быстрым темпом по сравнению с нашим. Наоборот, если мы будем рассматривать и те задачи, которые станут перед западно-европейским пролетариатом по отношению к бывшим колониям, где живет масса крестьянского населения, то там будет много задач и много хозяйственных форм, напоминающих те вопросы и задачи, которые мы решаем у себя, и те организационные формы хозяйственной жизни, которыми отличается наше строительство. Мы нисколько не должны стыдиться того, что наш социализм, который строим мы, является неизбежно отсталым типом социалистического строительства. Не наша в том вина; но мы можем быть вполне уверены, что у нас есть возможности для бесконечного продвижения вперед, для совершенствования этих форм, для изживания нашей отсталости, для все ускоряющегося перехода к действительно полному типу социалистического общества.

Наша страна сейчас еще только-только начала вылезать из поистине ужасающей нищеты, и было бы прямо безумием даже заикаться о том, чтобы почить на лаврах или начать отдыхать. Нам предстоит изжить еще ужасную нищету, остатки голода, грязи, темноты, варварства и косности; но мы уже ясно видим перед собою широкий и правильный путь, по которому мы доберемся и до нашей окончательной победы.

ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

I. Мы выходим из нищеты. Мы строим свое хозяйство без помещиков и крупных капиталистов 3

II. Почему мы до сих пор побеждали? (Союз рабочих и крестьян). 6

III. Рабочий класс и крестьянство 11

IV. Борьба рабочего класса с буржуазией за крестьянство 19

V. Как может возвратиться с заднего хода старый режим , . . . 26

VI. Столбовой путь к социализму в нашей стране 29

VII. Промышленность и сельское хозяйство должны взаимно помогать друг-другу 39

VIII. Рост кооперации и классовая борьба в деревне 46

IX. Строительство социализма и формы классовой борьбы 50

X. На кого нам нужно ставить свою ставку? 60

XI. Диктатура пролетариата и ее разное значение по отношению к разным классам 67

XII. Формы пролетарской диктатуры 74

XIII. Экономическое неравенство и его преодоление 81

XIV. Политическое неравенство, его преодоление и уничтожение политики вообще 90

XV. Обеспечение правильной политики руководства и коммунистическая партия 95

XVI. Международная революция и СССР 100

БИБЛИОТЕКА Аграрного ИНСТИТУТА

Имеются в продаже
следующие произведения
Н. И. БУХАРИНА

Ленин, как марксист. Стр. 63. Ц. 15 к.

Новое откровение о советской экономике или как можно погубить рабоче-крестьянский блок. Стр. 35. Ц. 20 к.

Атака. Сборник теоретических статей. Страниц 303. Ц. 1 р. 30 к.

Енчмениада. Стр. 72. Ц. 40 к.

Империализм и накопление капитала. Стр. 136. Ц. 80 к.

К вопросу о троцкизме. Стр. 192. Ц. 70 к.

Мировое хозяйство и империализм. Изд. 4-е. Стр. 127. Ц. 80 к.

Политическая экономия рантье. Изд. 4-е. Стр. 191. Ц. 90 к.

Теория исторического материализма. Изд. 4-е. Стр. 390 Ц. 1 р. 20 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА

Каменев, Л. Б.

Советская власть и крестьянство.

Доклад III Всесоюзному С'езду Советов о мероприятиях по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства 18 мая 1925 года.

Стр. 96. Цена 30 коп.

Калинин, М. И.

О советском строительстве.

Доклад III Всесоюзному С'езду Советов.

Цена 20 коп.

Рыков, А. И.

Деревня, новая экономическая политика и кооперация.

Стр. 48. Цена 20 коп.

Сталин, И.

Крестьянский вопрос.

Статьи и речи.

Стр. 72. Цена 30 коп.

Рыклин, Г. и Трунтаев.

Ячейка и советы в деревне.

Сборник статей и материалов под ред. Я. Яковлева и М. Хатаевича.

Стр. 124. Цена 60 коп.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА

Резолюции XIV конференции

Российской Коммунистической Партии (б.).

Стр. 48. Цена 20 коп.

Сталин, И.

К итогам работ XIV конференции РКП (б.).

Стр. 64. Цена 15 коп.

НАША ПРАКТИКА В ДЕРЕВНЕ

ИЗ ОПЫТА ПРАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ПОЛИТИКО - ПРОСВЕТИТЕЛЬНОГО ИНСТИТУТА

Рассчитана книга на рядового политпросветработника, а также всякого советского и партийного работника, которому приходится сталкиваться с деревней. В книге даны важнейшие инструкции политико-просветительной работы в деревне.

Стр. 176. Цена 1 р. 20 к.

КРЕСТЬЯНСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ

ЕГО РОЛЬ. ЕГО РАБОТА

СБОРНИК СОСТАВИЛИ:

Демьян Бедный, И. Гаврилов, М. Грандов, М. Калинин, В. Карпинский, С. Смирнов, Л. Сосновский, М. Ульянова, О. Чернов.

Изд. 2-е, дополн., под редакц. и с предисл. М. И. КАЛИНИНА.

Стр. 192. Цена 1 р. 25 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР

Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4. Тел. 2-22-24 и 2-65-31.
Телеграфный адрес: **Москва Торгсектор**
Ленинград, Ленинградское Представительство, Моховая, 36.
Телеграфный адрес: **Ленинград Россгосиздат**

ОТДЕЛЕНИЯ:

Армавир, Первомайская, 54.
Баку, пл. Карла Маркса, 10.
Батум, ул. III Интернационала, 12.
Винница, пр. Ленина, 44.
Владикавказ, Пролетарский проспект, 38.
Вологда, площадь Свободы.
Воронеж, просп. Революции, 1-й Дом Совета.
Вышний-Волочок, просп. Ленина.
Вязьма.
Грозный, просп. Революции, 11.
Екатеринослав, просп. К. Маркса, 226.
Зиновьевск, ул. Ленина, 34.
Казань, Гостинодворская, Гостиный двор.
Киев, ул. Воровского, 38.
Кисловодск, ул. Карла Маркса, 7.
Кострома, Советская, 11.
Краснодар, Красная, 35.
Н.-Новгород, Б. Покровка, 12.
Новороссийск, ул. Советов, 35.
Одесса, ул. Лассаля, 27.
Пенза, Интернациональная, 39/43.
Пятигорск, Советская, 36.
Рославль.
Ростов-на-Дону, ул. Фр. Энгельса, 106.
Саратов, ул. Республики, 30/42.
Свердловск, ул. Малышева, 37.
Смоленск, Большая Советская, 12.
Сталинград.
Таганрог, ул. Ленина, 56.
Тамбов, Коммунальная, 14.
Тверь, Советская, 45.
Тифлис, просп. Руставели, 16.
Харьков, оптовый склад и контора—Сергиевская площадь, Московские ряды.
Харьков, розничный магазин, ул. 1 Мая, 20.
Шахты, пр. Красной Армии, 19.
Ярцево.

МАГАЗИНЫ В МОСКВЕ:

1. Тверская, 28, уг. Советской пл. Тел. 3-63-17.
2. Моховая, 17. Тел. 2-95-19.
3. Площ. Свердлова, 2-й Дом Советов, «Серп и Молот». Тел. 2-91-62.
4. Никольская ул., 3. Тел. 2-86-37.
5. Серпуховская пл., 1/43. Телефон 3-79-65.
6. Кузнецк. Мост, 12. Тел. 4-42-39.
7. Покровка, Лялин переул., 11. Тел. 5-91-28.
8. Мясницкая, 46/2 (уг. Козловского пер.). Тел. 5-98-76.
9. Ильинка, Богоявленский переулок, 4. Тел. 2-87-03.
10. Кузнецкий Мост, 14. Телефон 5-95-51.
11. 1-я Тверская-Ямская ул., 26. Тел. 5-04-53.
12. Таганская площ., 5/7. Телефон 3-14-47.
13. Арбат, 12. Тел. 2-64-95.

ОТДЕЛ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ

(Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4)

высылает почтовыми немедленно посылками или бандеролью наложенным платежом книги по всем отраслям знания издания Государственного Издательства и других издательств. При высылке денег вперед (до 1 рубля можно почтовыми марками) — ПЕРЕСЫЛКА И УПАКОВКА БЕСПЛАТНО.

Аграрного института

3332 J.88